

Александр Александрович Тамоников

Последний бой комбата

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624585

Тамоников А. А. Последний бой комбата: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-48637-3, 978-5-699-48639-7

Аннотация

В конце января 1995 года третий батальон Рязанского 137-го гвардейского парашютно-десантного полка расположился в Грозном. Он успешно выполнил задачи по захвату ключевых зданий в районе привокзальной площади. Неожиданно поступает приказ о начале общего наступления. Перед батальоном Голубятникова стоит задача выдвинуться к стратегически важному мосту через реку Сунжа. Десантники должны захватить прилегающие к нему участки на обоих берегах реки и обеспечить переправу техники. Но на месте выяснилось, что мост уже разрушен нашей же авиацией. А в прибрежной «зеленке» бойцов Голубятникова ждет смертельный сюрприз...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Тамоников

Последний бой комбата

Личному составу 137-го гвардейского парашютно-десантного полка посвящается

Глава 1

В результате умело спланированной, а главное, профессионально проведенной операции по захвату департамента госбезопасности самопровозглашенной Ичкерии, ровно в 17.00 18 января 1995 года усиленный третий батальон рязанского 137-го гвардейского парашютно-десантного полка, не понеся потерь ни убитыми, ни ранеными, овладел зданием. Это был один из основных, сильно укрепленных опорных пунктов противника. В ночь с 18 на 19 января батальоны тульского и наро-фоминского полков захватили гостиницу «Кавказ» и здание МВД, что в итоге привело к падению дома правительства. Однако Дудаев и его ближайшим помощникам удалось уйти из Грозного. Каким образом? Об этом история умалчивает, существуют лишь предположения. Либо этому поспособствовали предательские действия руководства российской группировки войск, либо, что наиболее вероятно, Дудаев и его штаб покинули свою резиденцию сразу после того, как стало известно о взятии десанниками подполковника Голубятникова департамента госбезопасности. Как человек военный, Дудаев просчитал, что после его падения дальше оборонять центр города не имеет смысла, и ушел вместе со своим ближайшим окружением в неизвестном направлении. Но как бы то ни было, с потерей центра города война не закончилась. Общая оборона Грозного вооруженными отрядами сепаратистов продолжалась. Наступил переломный момент, российские войска перешли в общее наступление.

20 января 1995 года, четверг

После взятия департамента батальон Голубятникова, оставаясь на расширенном плацдарме, был временно переведен в резерв армейской группировки, находясь в тридцатиминутной готовности к выполнению любых задач командования. Штурмовые группы оставались в департаменте, восьмая рота и часть седьмой, зачистив подвал здания, вернулись на исходные позиции в поликлинику. Подразделения огневого прикрытия и тылового обеспечения занимали прежние позиции. Штаб батальона перешел на командный пункт, оборудованный в здании вокзала. Бойцы отдыхали после боев, приводили себя в порядок.

Обстановка 19-го и 20-го числа оставалась спокойной. Это объяснялось тем, что боевики, уцелевшие в ходе штурма, отошли на восток. И лишь северо-западный сектор до сих пор оставался нейтральной территорией. Российские войска его не контролировали. Но и угроза из «зеленки» никак себя не проявляла. То ли отряды боевиков покинули и этот сектор, то ли до времени затаились, выжидая, либо уйти, либо вновь решиться на боевые действия против федералов. От дудаевцев можно было ожидать всего, чего угодно. Вражеские снайперы продолжали обстреливать позиции батальона, но с дальних позиций. Существенного ущерба этот обстрел десанникам не наносил, но, как и прежде, заставлял соблюдать повышенные меры безопасности. День проходил спокойно. Командир батальона, начальник штаба, заместители по воспитательной работе и вооружению находились на командно-наблюдательном пункте. Офицеры наконец-то выпалились, повеселели.

После обеда явился старший лейтенант Готов. Поприветствовав заместителей, он козырнул комбату:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

– Обращайся, коль пришел, – ответил Голубятников. – Ты, наверное, по поводу Оксаны?

– Да! Из Рязани никаких новостей нет? Уже неделя прошла, как она уехала.

– У меня новостей нет. Но ты за девушку свою не волнуйся. Не пропадет.

– Как же не волноваться! А если до Рязани не доехала? Узнать бы...

– Хорошо! При первой возможности попытаюсь связаться с женой.

Во время обороны привокзальной площади в Грозном командир второго взвода седьмой парашютно-десантной роты старший лейтенант Готов познакомился с местной девушкой, чья семья погибла еще до войны в результате несчастного случая – автокатастрофы. И с ходу влюбился. Оксане тоже приглянулся рослый, решительный парень. Она вместе с сотней других беженцев, потерявших кров над головой, пряталась от ужасов войны в подвале вокзала. Там ее и заметил Готов. Понимая, что батальон долго не будет стоять на одном месте, Андрей переживал за девушку. Он уйдет дальше, а она, совершенно беспомощная и беззащитная, останется одна в разрушенном городе... Боялась этого и Оксана. Тогда Готов обратился к командиру батальона с просьбой устроить ее в какую-нибудь тыловую часть российской военной группировки, в тот же госпиталь на любую должность. Но это оказалось невозможным. Однако Голубятников нашел выход из создавшейся ситуации. Он предложил отправить девушку в Рязань к своей супруге. Предложение было с радостью принято, и Оксану вывезли из города. С того времени прошла неделя.

Голубятников похлопал старшего лейтенанта по плечу.

– Не волнуйся, Андрей, все будет хорошо. Как свяжусь, все узнаю, сообщу тебе. А пока занимайся взводом. Отдых отдыхом, но люди пусть не расслабляются. Долго нам бездельничать не дадут.

Отправив взводного в роту, Голубятников сказал связисту:

– Надо с Рязанью связаться.

– Это возможно лишь по радиорелейной станции полка. Да и то с разрешения Бортнова.

– Придумаю что-нибудь.

Но ничего придумывать не пришлось. В двадцать ноль-ноль, перед ужином, позвонил командир полка. Голубятников взял протянутую штабным связистом трубку.

– Аркан на связи!

– Гранит! Завтра в девять ноль-ноль к тебе должны прибыть сотрудники ФСБ со своим спецподразделением. Твоя задача – передать им здание и архив, обнаруженный в подвале департамента. Своих людей оттуда и из поликлиники убрать, самому к десяти ноль-ноль прибыть на КП полка на совещание. Эфэсбэшников предупреди о мерах безопасности – чтобы на крышу не лезли и в окна не высывались.

– Вас понял, – ответил Голубятников. – С ФСБ будет работать начальник штаба батальона. Я встречу их старшего, введу в курс дела и передам заместителю.

Вернув трубку сержанту Выдрину, Голубятников бросил через плечо начальнику штаба майору Кувшину:

– Завтра придут эфэсбэшники. Займешься ими. Передашь здание департамента и поликлинику, а главное, архив, который Стрельцов обнаружил в ходе штурма. Ну, и поможешь обустроиться, введешь в обстановку, предупредишь о мерах безопасности, чтобы под снайперов не попали. В общем, поработаешь с ними.

– А куда штурмовые группы? – спросил Кувшинин.

– Завтра в десять на КП полка Бортнов собирает совещание. Думаю, на нем батальону будет поставлена новая задача. Потом и решим, куда кого перемещать. И еще. Старшего под-

разделения ФСБ я встречу сам, а уж потом ими займешься ты. А после совещания попробую связаться с Рязанью. Ты не знаешь, кто командует радиорелейной станцией?

– Точно нет, но наверняка кто-нибудь знакомый из батальона связи дивизии.

– Ладно, посмотрим.

После ужина комбат, приняв доклады командиров рот и проведя короткий инструктаж по телефону на предстоящую ночь, отправился отдыхать.

21 января, пятница

Ровно в девять ноль-ноль на связь вышел заместитель командира батальона по вооружению майор Корсаров. Он доложил, что к западному посту подошло подразделение ФСБ на двух «КамАЗах», человек сорок. Техника с личным составом встала на дороге «коридора», старший подразделения – полковник, с ним помощник.

– Понял тебя, Виктор, встречаю гостей!

Голубятников окликнул Кувшинина, вышедшего в коридор:

– Сергей, эфэсбэшники прибыли.

– Иду!

Вскоре в помещение командно-наблюдательного пункта батальона вошли три офицера: полковник Зимин Игорь Николаевич, майор Воркунов Павел Алексеевич и подполковник Талин Сергей Сергеевич. Последний служил в оперативном отделении штаба дивизии, и его Голубятников хорошо знал. Представившись, сотрудники ФСБ показали удостоверения личности.

– Вы готовы передать нам архивы и здание бывшего департамента госбезопасности? – спросил Зимин.

– Да, конечно, – ответил Голубятников. – Вот мой начальник штаба, – комбат указал на Кувшинина, – он будет с вами работать. Проведет по объектам, все покажет, организует отвод штурмовых групп, передаст что требуется, обеспечит при необходимости охранение.

– Хорошо! Если мне потребуется лично вы, где вас найти?

– В десять ноль-ноль командир полка проводит совещание на КП сводной части. Сколько оно продлится, не знаю. Так что обращайтесь к начальнику штаба. Надо будет, он по связи меня найдет.

Зимин взглянул на Кувшинина:

– Вы готовы, майор?

– Как юный пионер, товарищ полковник, – улыбнулся начальник штаба.

– Это хорошо, что у вас приподнятое настроение. Но давайте без лишних слов.

– Ну да, конечно. Извините. Как-то вылетело из головы, что вы представляете столь серьезную службу, как ФСБ, – не без скрытой иронии ответил Кувшинин.

– Ну, все, – видя негативную реакцию эфэсбэшника, сказал Голубятников. – Займись, Сергей Stanisлавович, делом.

Тот взглянул на Зимина и кивком головы показал на дверь:

– Прошу на выход, товарищ полковник!

Офицеры ушли. Проводив их и собрав необходимые документы, комбат с сержантом Выдриным и небольшой группой охраны пошел на КП полка. Тот размещался на территории бывшего автопредприятия, метрах в пятистах от плацдарма, который занимал батальон. В 9.50 Голубятников миновал контрольно-пропускной пункт, прошел в двухэтажную контору, где обосновался штаб полка, и поднялся на второй этаж, в приемную. Там находились связисты со своей аппаратурой. Старший лейтенант, козырнув, сказал:

– Вам, товарищ подполковник, надо пройти в актовЫй зал, там собираются все вызванные на совещание офицеры.

– И где этот актовый зал? – спросил Голубятников.

– Из приемной налево, до фойе, там увидите, – объяснил офицер-связист.

Голубятников прошел в актовый зал. Тот был подготовлен по-военному: ряды кресел убраны, трибуна и столы на импровизированной сцене сдвинуты в угол; посередине бойцы установили большой стол размером примерно пять на два метра, рядом скамейки, кресла, стулья. В зале находились начальник штаба сводного полка полковник Левин, офицеры управления, человек десять – среди них и начальник инженерной службы, командиры тульского и наро-фоминского парашютно-десантных батальонов, комбат 501-го мотострелкового полка, танкисты, артиллеристы. Голубятников подошел к Левину. Поздоровался, доложил о прибытии. Затем прошел к стоявшему у сцены начальнику инженерной службы полка.

– Что не в настроении, Валера? Остальные вон смеются, переговариваются, а ты в стороне... Или вторую УР¹ тоже не туда запустил?

– Комбат, тебе очень весело, как я посмотрю? Так ступай с коллегами-комбатами веселись, у них настроение превосходное...

– Да что произошло?

– Ничего! Просто достали меня уже с тем пуском установки разминирования по твоему департаменту госбезопасности. Как будто я виноват в том, что бойцы, работая в сложнейших условиях, в нештатной ситуации не смогли провести прицельный пуск...

– И кто ж тебя достал?

– Да все кому не лень. Подходят, интересуются, как это УР чуть твою роту не уничтожила.

– И ты оправдываешься?

– А что бы ты на моем месте делал? Объясняю, как и почему не удался пуск.

– Вот это напрасно. Надо было сказать, что целью пуска и являлся удар по пространству между плацдармом и южным крылом, детонация минных заграждений, уничтожение забора, чтобы мы могли к дому подойти.

– Сказал бы, не вздрючь меня Бортнов до этого при всех за неудачный пуск.

– Не переживай. И посылай всех сам знаешь куда, кто будет подкалывать.

– И тебя? – Кислов улыбнулся. – Ты же тоже ерничаешь...

– И меня!

– Всё, командир пришел...

Командир полка, бегло осмотрев подчиненных, ответил:

– Товарищи офицеры! Прошу к столу! Присаживайтесь, начнем работу.

Бортнов сел в кресло с торца стола, у сцены. За ним стоял штатив, на нем закреплена карта или, точнее, план города.

– Итак! Начнем с подведения итогов действий батальонов полка за последние дни. Первое, что хотел бы отметить, так это подготовку и штурм здания департамента государственной безопасности батальоном подполковника Голубятникова.

Бортнов выглядел довольным, спокойным, уверенным в себе. Даже улыбнулся, что бывало редко:

– Хотя и спорили мы частенько с Голубятниковым, и действовал он нестандартно, все время стараясь подкинуть мне вводные, но задачу выполнил на «отлично». Взял такую машину без потерь, в точно установленное время! Успешно действовали и подразделения подполковников Островского и Реброва. В целом полк выполнил поставленную задачу. Наши действия признаны вышестоящим командованием успешными, за что я хочу всех поблагодарить. По итогам штурма департамента, гостиницы «Кавказ» и здания МВД представить завтра до восемнадцати ноль-ноль к наградам отличившихся в боях офицеров, пра-

¹ Установка разминирования.

порщиков и солдат. Повторяю, до восемнадцати ноль-ноль, иначе останемся ни с чем. Как говорится, куй железо, пока горячо.

– Разрешите вопрос по ходу, товарищ полковник? – поднялся Голубятников.

– Давай свой вопрос.

– Я хотел бы уточнить: тех, кого за вокзал представляли, можно второй раз к наградам за департамент представить? У меня почти все представлены, надо бы человек тридцать и за департамент наградить. Повторно.

Командир полка кивнул:

– Представляй! Никаких ограничений. Я подпишу все наградные листы; ну, а как дальше будет, посмотрим. Сам знаешь, как у нас с наградами в вышестоящих штабах решают...

– Спасибо – сдержанно поблагодарил Голубятников, присев на прежнее место.

Бортнов продолжил:

– Завтра к тем же восемнадцати ноль-ноль сюда, в штаб, подать заявки на пополнение подразделений личным составом, расписав по должностям, на вооружение, снаряжение, боеприпасы, имущество. Батальоны должны быть полностью укомплектованы всем необходимым для продолжения боевых действий. Все трофейное оружие сдать. Срок – до 24-го числа включительно. Ответственный – заместитель по вооружению. По трофеям вопросы есть? Нет! Повторяю, трофейное оружие сдать всё!

– Что, и пару ПКМов² оставить нельзя? – подал голос Ребров. – Нам они по штату не положены, а в бою незаменимы.

– Я сказал, сдать всё! – ответил Бортнов. – А это значит – по списку. Списки составлять будете вы сами. Надеюсь, я ясно изложил суть вопроса?

Офицеры удовлетворенно улыбнулись, поняв, что подразумевал Бортнов.

– Ясно, товарищ полковник! Сдадим по спискам!

– Особенно это касается Голубятникова. У него трофеев много. Не так ли, Святослав Николаевич?

– Да, есть. Сдадим!

– Ты с оружием поаккуратнее. Хотя не тебя мне учить. Так! Далее... – Командир полка взглянул в ежедневник. – Задачи на данный момент. Голубятникову: батальон 501-го мотострелкового полка уходит, принять позиции, включая «коридор», до четырнадцати ноль-ноль 22-го числа. Начнете с рассветом. Девятая рота капитана Уханина тоже уходит, как и отдельная разведывательная рота. До четырнадцати ноль-ноль 22-го принять и их позиции. Также уходят танки, включая трофейный; остается «семьдесят двойка», что была придана батальону ранее. Сегодня все согласовать, организовать. Далее. С 23 по 25 января третьему батальону 137-го парашютно-десантного полка занять северо-западный частный сектор, взять его под ответственность, выставить блокпосты, организовать патрулирование в «зеленке». С 26 января обеспечить охрану при эвакуации разбитой, сожженной техники и с площади, и из проулков и улиц. Эвакуацию будет осуществлять ремонтный батальон. Решение на овладение «зеленкой» доложить в двадцать один ноль-ноль 22-го числа, то есть завтра. Здесь, на КП полка. Вопросы ко мне, подполковник Голубятников?

– Пока вопросов нет, – ответил комбат. – Возможно, возникнут в ходе выполнения мероприятий, а пока мне все понятно.

Следом комполка поставил боевые задачи командирам тульского и наро-фоминского батальонов и снова вернулся к рязанскому батальону, потребовав от Голубятникова в первую очередь принять позиции батальона 501-го мотострелкового полка.

² 7,62-мм пулемет Калашникова модернизированный, с лентой в 100-патронной коробке, может оснащаться оптическим либо ночным прицелом.

На этом полковник Бортнов объявил совещание закрытым. Командиры подразделений покинули актовый зал и штаб сводного полка. Кто-то сразу отправился к себе, на позиции, кто-то остался решать вопросы боевого обеспечения или просто пообщаться со старыми знакомыми. Голубятников же прошел к радиорелейной станции батальона связи тульской дивизии, стоявшей под маскировочной сетью у боксов ремонтных мастерских метрах в тридцати от здания штаба полка.

У станции он встретил старшего лейтенанта Станислава Волина, которого знал по многочисленным учениям. Волин, увидев Голубятникова, приветливо улыбнулся:

– Товарищ подполковник! Рад вас видеть. Наслышан о действиях подчиненного вам батальона.

– Здравствуй, Стас! Я тоже рад видеть тебя живым и невредимым.

– Да что мне будет! Это вы воюете, а мы тут сидим под боком у Бортнова...

– Каждому, как говорится, свое.

– Да... Скажите, Святослав Николаевич, как это вам удалось без потерь, малыми силами взять такой мощный опорный пункт дудаевцев?

– Это гораздо проще, Стас, чем овладеть плацдармом. Главное в нашем деле что? Подготовка. Все рассчитали, согласовали по времени и силам и взяли их «госбезопасность», век бы это здание не видать... Надоело оно хуже пареной репы.

– Вы и на учениях всегда отличались. Помните учебный центр Тесницкий? Площадку приземления у деревни Хомяково?

– Ты имеешь в виду показательные учения перед Ельциным в декабре 1993-го?

– Да! Вас тогда, по-моему, президент часами награждал?

– Было дело. Вот они, часы, до сих пор ношу.

– Часы-то дорогие?

– Обычные, «Командирские», только с гербом на лицевой части и надписью на корпусе «От Президента России».

– Когда-то раритетом станут...

– Имеешь в виду, что можно будет продать за хорошую сумму? – не без ехидства заметил комбат.

– Такие вещи для потомков беречь надо... Ну, ладно, вы ко мне по делу или так, мимоходом?

Голубятников прикурил сигарету.

– По делу, Стас! Мне связь с Рязанью нужна.

– С полком?

– Да. Я уже связывался с женой через станцию псковской дивизии, связь обеспечили без проблем. Вот и сейчас с супругой поговорить надо. Если требуется разрешение Бортнова или Левина, я его организую.

– Не надо никаких разрешений. Мы сейчас практически без работы сидим. Пойдемте, попробуем выйти на рязанский полк.

Святослав затоптал окурки. Офицеры поднялись по металлической лестнице в кунг³, а попросту – закрытый фургон, где размещалось оборудование станции. Старший лейтенант приказал подчиненным связистам:

– Дайте связь с рязанским полком.

И через несколько минут протянул трубку телефона Голубятникову:

– Дежурный по полку, товарищ подполковник!

– Оперативно!

Комбат прижал трубку к уху.

³ Кузов унифицированный нормальных габаритов.

- Алло! Это Голубятников.
- О?! Старший лейтенант Блохин, дежурный по части, здоровья желаю, товарищ подполковник. Вас с командиром полка соединить?
- Нет, Володя, мне бы супругу услышать.
- Понял! Сейчас пошлю за ней посыльного.
- Только быстрее, Вова, сам понимаешь, времени в обрез.
- Боец уже побежал. Ну как вы там, в Грозном?
- Нормально!
- Слышал, департамент госбезопасности взяли, и «духи» сразу разбежались...
- Взяли. А о том, что капитан Соколенко перед штурмом погиб, в полку известно?
- Так точно! Серебрянников на построении объявлял. Жаль капитана...
- И Шабалин Валерий Петрович погиб.
- Да, и об этом известно. Говорили, они практически одно и то же ранение получили?
- В печень. Смертельное ранение.
- Да-а, война... – протянул старший лейтенант. – А вот и ваша супруга! Передаю трубку...
- Галя? Здравствуй, родная!
- Здравствуй, Слава! Что-нибудь случилось?
- Ну, почему сразу случилось? Выпала возможность, позвонил...
- Если бы ты знал, в каком напряжении мы тут живем! Просыпаешься утром и думаешь, что день наступивший принесет. От каждого вызова, звонка вздрагиваю.
- Ты не волнуйся, Галя, – попытался успокоить жену Голубятников, – у меня все нормально. Воюем потихоньку. И сейчас уже не та обстановка, что была в начале месяца, сейчас мы наступаем.
- Быстрее бы кончилась твоя командировка...
- Закончится. Всему свое время. Я вот о чем хотел тебя спросить ...
- Можешь не продолжать, – прервала Галина мужа. – Тебя интересует Оксана, подруга Гротова? С ней порядок. Приехала, если не изменяет память, 14-го числа под вечер. Пришла сразу ко мне. Приняла ее как следует. Поговорили. Хорошая девочка, только испуганная сильно. Никак не может привыкнуть к нормальной, мирной жизни, к тому, что не стреляют, не бомбят.
- Она у нас живет?
- Ну не отдам же я ее в общагу? Командир предлагал место, я отказалась. Пусть со мной живет. Познакомила ее с женой Стрельцова. Часто вечером собираемся. Ну а разговор, сам понимаешь, только о вас, о войне. Но после таких вот посиделок немного легче становится.
- Я все понял. Держись. Все там, в Рязани, держитесь, мы вернемся.
- Вернетесь... Вон Шабалин вернулся, похоронили с почестями; сейчас тело Соколенко ждем... Как Костя-то погиб?
- Так же, как и Шабалин, от выстрела снайпера. Думали, выживет. В госпиталь отправили, я с ним перед отправкой разговаривал, в сознании Костя был. А потом, после штурма департамента, нам сообщили, что он умер в вертолете, при эвакуации в другой госпиталь. Никто не ожидал. Вот так!
- Прошу, Слава, береги себя! Хотя о чем я прошу тебя... Как будто не знаю, что всегда лезешь на рожон! По крайней мере, в Афгане.
- Чечня – не Афган. Я вернусь. Ну все, родная, у меня не осталось времени. Люблю, целую, до свидания – надеюсь, до скорого.
- До свидания, родной! Я тоже люблю тебя и жду!
- Голубятников положил трубку на рычаги аппарата и повернулся к начальнику станции, кутившему у двери кунга.

– Спасибо, Стас! Поговорил.

В тринадцать ноль-ноль Голубятников вернулся в батальон. Не заходя на командно-наблюдательный пункт, решил зайти в департамент госбезопасности. Сержант Выдрин предложил сфотографироваться на фоне здания, но на подходе, у забора, их остановили спецназовцы ФСБ.

– Сюда нельзя, товарищ подполковник! Приказ полковника Зимина.

– Как это нельзя? – возмутился комбат. – Мы брали этот объект – и нам нельзя?

– Ничего не знаем! Туда, – старший показал рукой за плечо, – нельзя!

Святослав сплюнул на землю:

– Твою мать, что за хрень?

Но часовые были непоколебимы.

– Туда нельзя. Не пропустим. Ваши подразделения отведены, и у нас приказ никого не пропускать к зданию!

– Ну и идиотизм... – Комбат повернулся к Выдрину: – Вот и сфотографировались, Сережа!

– Дурдом, – ответил сержант. – Но можно и отсюда снимки сделать.

Отойдя от часовых на пару шагов, Голубятников увидел, как с внутреннего двора отъехал груженный «КамАЗ».

– Документы архива вывозят... Хрен с ними, пойдем, Сережа, с чистой совестью на наш КНП.

Комбат со связистом и охраной прошел на командно-наблюдательный пункт батальона. Войдя в помещение, спросил у начальника штаба:

– Ну, что тут с департаментом?

– Да ничего особенного, провел эфэсбэшников в здание. Зимин потребовал убрать штурмовые группы. Наши часов в десять-одиннадцать отошли на прежние позиции, а «безопасность», выставив караул, начала шмонать дом. Ходили, бродили туда-сюда... Но основную работу делали в подвале. Занимались, да и продолжают заниматься вывозом архива. Уже четвертый «КамАЗ», загруженный документами, отправили.

– Ладно, пусть вывозят. И сами охраняют этот департамент. Давай быстро пообедаем и начнем планировать наши действия исходя из поставленных Бортновым задач.

– А что за задачи, командир?

Голубятников рассказал о том, что предстояло сделать батальону с 22 по 26 января. Кувшинин, выслушав комбата, невесело произнес:

– Да, нагрузил нас Бортнов... Особенно с «зеленкой». Взять ее под контроль будет непросто.

– Поэтому мы и должны все спланировать. Но «зеленка» хоть и опасна, а все же это не департамент.

– Кто бы спорил! Однако и к ее захвату придется готовиться основательно. Технику используем?

– Да! Без БМД нам северо-западный сектор не прикрыть. Но об этом позже, сейчас – обед.

На 15.30 Голубятников вызвал всех командиров подразделений, включая мотострелков, – надо было спланировать их отход с позиций. Комбат постарался быть кратким, но вместе с тем не упускал ни малейших подробностей.

– Все четыре дома квартала переходят под ответственность девятой парашютно-десантной роты. Двор вместе со зданием вокзала, выходы к путям, все здания у площади и подходы к ним контролирует восьмая рота. Обеспечение безопасного передвижения по «коридору» возлагается на седьмую роту. В здание, которое занимала отдельная разведывательная рота мотострелков, перемещается наша разведрота. Непосредственно у КНП оста-

ются: взвод связи, саперы, зенитная батарея, противотанкисты, взвод материального обеспечения и медпункт батальона. Позже подойдет взвод ремонтной роты. Эти подразделения осуществляют охрану КНП. Командирам подразделений вместе с мотострелками засветло провести рекогносцировку, определить взаимодействие, чтобы завтра с 8.00 начать постепенную смену на позициях. С 13.00 мотострелков не задействовать: им необходимо сняться, выстроить колонну. Работу начать сразу после окончания совещания. В девять вечера всем командирам подразделений вновь прибыть на КНП. Подведем итоги работы, спланируем, как будем выполнять остальные задачи, поставленные перед батальоном. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Голубятников добавил:

– Майор Холодов возвращается к исполнению своих прямых обязанностей заместителя по воспитательной работе. На взвод, которым он командовал, поставить наиболее подготовленного сержанта.

– Есть! – отозвался капитан Борович

Совещание растянулось на сорок минут. Указания комбат давал под запись. В начале пятого он объявил совещание законченным и отпустил офицеров. Вышел во двор, где его уже поджидал старший лейтенант Готов.

– Извините, товарищ подполковник, за навязчивость... про Оксану что-нибудь удалось узнать?

Святослав улыбнулся, похлопал офицера по плечу.

– Удалось! У меня дома твоя невеста. С 14 января. Добралась без проблем. Сейчас приходит в себя после пережитого ужаса и... ждет с войны своего спасителя.

– Большое вам спасибо, товарищ подполковник! – повеселел Готов.

– Не за что. Ступай, занимайся работой, а о невесте не беспокойся. С ней моя Галя.

Готов скрылся за углом КНП. К комбату подошел командир взвода материального обеспечения.

– Мы тут с Боголюбовым для офицеров приятный сюрприз подготовили...

– Не можешь ты обходиться без сюрпризов, Витя! – покачал Голубятников головой. – Давай, докладывай, что вы там с техником взвода на этот раз выкинули.

– Так об этом не докладывать надо. Это надо смотреть.

Прапорщик Белов провел комбата через левый подъезд здания КНП на первый этаж. Голубятников присвистнул, когда увидел помещение полноценной офицерской столовой. На полу, стенах – ковры, занавески в проемах окон, столы, стулья.

– Вот это да! Что это, Белов? Столовая?

– Так точно! Здесь офицеры смогут теперь в приличной обстановке поесть, отдохнуть, а не шариться по развалинам.

– И где же ты, любезный, ковры взял? Столы? Стулья? Мародерничаешь потихоньку?

– Так пока вы штурмовали департамент, мы на месте не сидели, – обиделся Белов. – Сделали вслед за ротой Уханина вылазку в «зеленку». Там и ковры нашли, и столы. Стулья сами соорудили. Занавески в полку достали, посуду тоже. По-моему, неплохо получилось.

– Неплохо. Но вылазка твоих людей напоминает сравнительно честный грабеж местного населения, тебе не кажется?

– Какой грабеж? – возмутился Белов. – Мы брали только то, что бросили хозяева, то, что валялось. Большинство вещей было повреждено, починили, как смогли...

– Ну, ладно. Помещение ты действительно сделал приличное. Здесь и пообедать можно, и совещание нормально провести.

– А я о чем? – довольно улыбнулся Белов.

Вечером того же дня организовали коллективный ужин. Офицерам понравилось. Там же в 21.00 провели запланированное совещание. Голубятников довел до подчиненных последнюю информацию, поступившую из штаба полка. Центр города, за исключением

отдельных небольших участков и районов, в состав которых входил и северо-западный частный сектор, уже очистили от боевиков. Противник отходил преимущественно в юго-восточном направлении. Преследовать его полк не планирует, этим занимаются другие части. Также комбат отметил, что действия батальона при захвате департамента госбезопасности признаны успешными. Приказано представить отличившихся во время штурма военнослужащих к наградам. Он повернулся к заместителю по воспитательной работе:

– Этим займется майор Холодов. Ротным составить списки отличившихся, Холодову после согласования со мной передать их в штаб полка завтра до восемнадцати ноль-ноль. Командирам подразделений составить заявки на доукомплектование личным составом, вооружением, боеприпасами, всем необходимым для продолжения боевых действий. Заявки передать начальнику штаба. Корсарову – заявки на запчасти.

Комбат пристально посмотрел подчиненных и перешел к самой больной теме:

– Нам приказано сдать все трофейное оружие. Этим также займется заместитель по вооружению. Надо уточнить, куда что сдавать; придут ли машины из полка или нам самим везти трофеи? Как складировать вооружение – в ящики или так, навалом? Этот вопрос, – Голубятников взглянул на зампотеха, – на тебе, Виктор Алексеевич. Согласуй с заместителем командира полка по вооружению.

– Что, все сдадим? – поднялся Стрельцов. – Себе ничего не оставим?

Другие командиры поддержали исполняющего обязанности командира восьмой парашютно-десантной роты.

– ПКМы нужны, подствольники, «СВД» не помешают – они же нам, кроме разведроты, по штату не положены. А насколько они эффективны в бою, все убедились. Бесшумники тоже оставить бы надо.

В результате споров было решено из трофейного вооружения забрать себе все подствольники ГП-25⁴ – двадцать штук, из шестнадцати снайперских винтовок «СВД» – девять единиц, из пятнадцати пулеметов ПКМ – тоже девять штук, по три пулемета на роту, и девять гранатометов РПГ-7 из двадцати пяти отбитых у боевиков. Выпросили ротные и три единицы автомата «АКМ» с ПБС⁵, по одному на подразделение. Голубятников разрешил оставить и бинокли, лазерные дальномеры, радиостанции, при необходимости – кое-какое вещевое имущество.

– По приему позиций, представлению к наградам, сдаче трофеев – все понятно? Или есть вопросы? – спросил Голубятников подчиненных офицеров.

Вопросов не было.

– Главное для нас – овладеть «зеленкой» и всем северо-западным частным сектором, – продолжил комбат. – С 23 по 25 января мы должны установить над ним полный контроль. Сегодня-завтра спланируем операцию. Задача на самом деле сложная – в «зеленке», не считая отдельных рейдов, батальон еще не действовал. В секторе наверняка окажутся разрозненные, а возможно, и крупные группы боевиков, сохранивших боеготовность и управление. Не исключены боестолкновения. В общем, «духи» в «зеленке» наверняка засели. Днем будут под мирных жителей маскироваться, а ночью, сбившись в стаю, стрелять по нашим бойцам. После штурма департамента терять там людей мы не вправе. Поэтому будем планировать операцию тщательно, с отработкой всех возможных вариантов действий противника. Вы, – Голубятников обратился к командирам боевых рот, – завтра, когда будете менять приданные подразделения, определитесь с личным составом, который можно привлечь для овладения «зеленкой». Технику из укрытий вывести. В частном секторе и на плацдарме в целом, который после овладения «зеленкой» становится зоной ответственности батальона,

⁴ 40-мм подствольный гранатомет для автоматов Калашникова всех модификаций.

⁵ Прибор бесшумной стрельбы.

без БМД нам уже не обойтись. При планировании будем выдергивать ротных и привлекать к работе. Будьте готовы и к этому. Постановка окончательной задачи или завтра вечером, в районе 21.00, или рано утром 23-го числа. И сразу выход. С 26 января обеспечиваем эвакуацию подбитой техники. На нас охранение, а кто будет эвакуировать технику из района, каким образом, сколько времени на это понадобится, – не важно. Не наше это дело. Для нас главное – как следует зачистить «зеленку». Итак, по срокам и планам работы я вас сориентировал, готовьтесь! Если вопросов нет, свободны!

Командиры подразделений покинули помещение. Командир батальона с начальником штаба поднялись на КНП. Майор Холодов пошел по подразделениям, заместитель по вооружению, майор Корсаров, занялся подготовкой боевых машин десанта к выходу из укрытий, где они находились, не принимая участия в боях с момента захвата батальоном плацдарма у привокзальной площади. Каждый прекрасно понимал, что со штурмом департамента война для них не закончилась. И что ждет батальон впереди, не знал никто!

22 января, суббота. 8.00

Разведывательная рота капитана Телинского ушла менять отдельную разведроту мотострелков. Комбат перевел подразделение Телинского в резерв. Командиры остальных рот и взводов приступили к приему позиций. Комбат же лично начал готовить план овладения «зеленкой». К мотострелкам, обеспечивавшим «коридор», вышли офицеры и бойцы седьмой роты. Кошеров встретился с командиром мотострелковой роты, взводные – с взводными-мотострелками. Бойцы старшего лейтенанта Лихолетова – сержант Беденко, рядовые Шохин и Артюшин расстегнули на тужурках две верхние пуговицы, чтобы были видны тельняшки, подошли к солдатам одной из мотострелковых рот, собравшихся у бронетранспортера. Беденко, забросив за спину «АКС», небрежно сказал:

– Ну, здорово, что ли, пехота?

– Здорово! Привет, – вразнобой ответили мотострелки.

Беденко осмотрелся:

– А неплохо вы здесь устроились, пацаны. Вроде как на войне, но без боев. Сиди на броне, смотри за дорогой... Да-а, неравна жизнь.

Мотострелки смотрели на десантников с уважением и неприкрытым интересом.

Беденко между тем повернулся к Шохину и Артюшину:

– Вот бы нам так, да?

– Не помешало бы.

Молодой солдат спросил:

– А это, значит, вы дом госбезопасности брали?

Беденко покровительственно усмехнулся:

– Мы брали. А до этого и отсюда, где вы сейчас стоите, «духов» выбивали, и площадь занимали, и дома захватывали. Пока вы сюда маршем шли, мы уже гонялись за чеченами. И ввалили им по самое не могу. С ходу выбили из вокзала.

– Трудно было?

– Ерунда! «Духи» нас, десантников, боятся. И правильно делают. Хотя, как мы встали в оборону, считай, каждый день пытались выбить с плацдарма. И из гранатометов били, и из пулеметов; атаковали со всех направлений, снайперы покоя не давали... Но ни хрена у них не вышло. Если мы встали, нас уже не выбить. До рукопашки дело доходило. Да, и такие случаи бывали.

– Танками позиции атаковали, – добавил Артюшин. – А мы их из гранатометов... Короче, весело было.

– А департамент? – спросил второй солдат.

– А что департамент? Его мы брали уже после того, как отбились от «духов» здесь, у вокзала. Это вы тут ни черта не видели, а к нам чечены каждый день парламентаров посылали.

– Что, сдаваться предлагали?

Шохин усмехнулся:

– Подумал, салабон, о чем спросил? Где ты слышал, чтоб десант сдавался? Это ваши пехотинцы сдавались. Они и приходили парламентарями. «Духам» одно надо было: чтобы мы просто отошли к парку. Сам Дудаев посылал своего представителя, лично обещал стереть нас с лица земли, вот только хрен чего у него вышло.

– А парламентары, говоришь, из пехоты были?

– Ну да, из майкопцев – тех, кого 31 декабря на площади «духи» пожгли. Кто выжил... Но надо отдать должное, пацаны не сами сдались, половину взяли в плен ранеными. А так они дрались достойно. Да вот только без толку. Бросили ребят суки краснолампасные с техникой на площадь, их и пожгли из гранатометов. Жаль пацанов. А что приходили – так куда деваться? «Духи» их посылали, грозя в случае отказа убить раненых. Вот и шли, передавали, что приказывали чечены, и уходили в обратку. А могли остаться, жизнь свою спасти. Но возвращались, чтобы из-за них кореша не пострадали... Ладно, кто сигаретой угостит?

Командир мотострелкового отделения достал пачку «Примы». Беденко забрал ее, щелчком выбил три сигареты, две передал товарищам, пачку положил на броню БТРа.

Солдаты закурили. Беденко, затянувшись терпким дымом крепкой сигареты, проговорил:

– А департамент уже на концовку пришелся. Рядом поликлиника находится, слышали?

– Слышали, – ответил сержант-мотострелок. – Наш взводный говорил, что десантники ночью задолго до штурма ее втихаря захватили. И держали оборону до того, как батальон пошел в атаку.

– Верно ваш взводный говорил. А мы – вот Миха с Толяном и я – и захватывали эту самую поликлинику. Не втроем, конечно, нас сорок пять человек было. Скрытно подошли, аккуратно убрали «духов», человек десять, и тихо заняли здание. А оно в тридцати метрах от департамента. «Духи», как узнали, что мы угнездились по соседству, озверели! Что только не делали: и из гранатометов били, и от МВД – оно там рядом – группы свои на нас бросали, и с «зеленки» атаковали... Короче, пытались выбить со всех направлений.

– И что? – произнес молодой солдат.

– А ни хрена! У нас на каждого по десять-пятнадцать «духов» приходится, и это только убитыми. Трупам все вокруг поликлиники было завалено. Как-то одна группа боевиков решила к зданию МВД прорваться, это когда по департаменту уже наши танки лупили. Рыл тридцать-сорок выскочило, и прямо против позиции Михи и Толика. Так Миха из пулемета штук двадцать «духов» один положил. Десятерых – Толян, я из гранатомета – еще с десятков. Остальных добили ребята с других позиций.

– Что-то много боевиков получается, – посчитав про себя потери боевиков, проговорил сержант-мотострелок.

Но Беденко сбить с толку было непросто. Он и не из таких положений выкручивался.

– А ты думаешь, мы одни прорыв «духов» из департамента пресекли? Нас еще группа, что засела в здании МВД, прикрывала, тех еще человек двадцать было. Ты что, не веришь мне, что ли, сержант? Думаешь, лапшу на уши вешаю? Была бы нужда! Я вам рассказываю то, что в реальности было. Там и без прикрас «духов» хватало.

– А у вас много ребят полегло? – спросил все тот же молодой солдат.

– Да никто не погиб! Вот только перед штурмом ротного одного смертельно ранило. Хоть и отнесли его под огнем «духов» в батальонный медицинский пункт, отправили в госпиталь, да без толку. Умер капитан.

– Ротного?

– Да! А что ты так удивился? У нас офицеры вместе с бойцами воюют. И никаких особых условий не требуют. Если мы на голом бетоне в бушлатах спим, то и они. Если в атаку идем, взводные впереди. За спины солдат не прячутся – наоборот, прикрывают. Вот ротного когда ранило, его взводный с добровольцами выносил. Казалось, на хрена ему-то еще под пули лезть? Послал солдат, и все. Но нет, сам понес... Вот так, пехота.

– Да-а... У нас тоже офицеры ничего. Только вот ротный больно строгий. Но отчаянный, – сказал сержант-мотострелок. – Мы здесь тоже не звезды по ночам считали. Как встали, так боевики несколько раз нападали. И из гранатометов стреляли, и атаковали. Так ротный сам с пулеметом недалеко отсюда оборону держал. Троих «духов» завалил.

– Эка невидаль, троих «духов», – скептически усмехнулся Шохин. – Ты бы посмотрел, сколько трупов боевики с площади и от домов вынесли, когда перемирие было. Сотни.

– А это правда, – спросил молодой солдат, – что вас всех, кто занимал привокзальную площадь, к орденам представили?

– Правда, – ответил Беденко. – К орденам Мужества.

– Мы не видали такого!

– Мы тоже. Но говорят, красивый орден. Крест такой с бордовой лентой. А теперь еще за взятие департамента по ордену дадут.

– Что, по второму?

– А то! Ну, не всем ордена, наверное, кому-то и медали; но медали тоже неплохо, да, пацаны?

– Конечно! У нас никому ничего не дали. Да и не за что, если уж по-честному.

– Ничего, и вы свои ордена заработаете. Куда вас перебрасывают?

– Не знаю, – пожал плечами сержант. – У взводного спрашивал, ответил, какая, мол, разница? Да оно и верно, какая разница? Мы кто? Так, мясо...

– Ты это перестань! – повысил голос Беденко. – Мы солдаты, без нас войны не выигрываются.

– Я хотел в десант пойти.

– А что не пошел?

– Не прошел комиссию. Ногу в детстве сломал, срослась не так. Внешне незаметно, в пехоту сойдет, а в десант нет. Хотя вы, наверное, сейчас и не прыгаете с парашютом?

– Кто тебе сказал такую глупость? Здесь, понятно, не прыгали, потому как куда прыгать? А дома, на учениях, частенько прыгаем. И с самолетов, и с вертолетов.

– Страшно?

– Да нет... Поначалу только мандраж бьет, а потом самого в небо тянет. Ну, ладно, по вам «духи» работали? Лично по вам?

– В смысле, работали? – не понял вопроса сержант.

– Ну, атаковали или обстреливали?

– Не-е! По нашему отделению нет. Да и шустрили они только в самом начале; потом, видно, врубившись, что здесь две роты стоят, отошли. Но иногда постреливают. До сих пор.

– Откуда?

– А хрен их знает! Из сектора...

– Потери есть?

– Один раненый. Его домой отправили. Повезло парню, руку задело – и домой сразу!

– Ну, не скажи. Это сейчас, кажется, пустяк, а потом ранение может так сказаться, что инвалидом станешь. У нас ротного в печень ранило. Санитар рассказывал, капитан все время в сознании был, а в боку маленькая такая дырочка, да вокруг нее синяк. В сознании ротного и в госпиталь доставили. А там он умер. Вот тебе и ранение. Все были уверены, что капитан выживет, а он...

– Да-а, – вновь протянули солдаты, замолчав на время.

Ротные обошли позиции. Мотострелки объяснили Кошереву, где стояли бронетранспортеры, в каких местах оборудованы пулеметно-гранатометные огневые точки, откуда «коридор» прощупывали чеченцы. Взводные изучали обстановку более подробно. Седьмая парашютно-десантная рота не могла обеспечить такую же плотность охраны «коридора» из-за своей численности, как не могла и полностью блокировать территорию, которую удерживали две полноценные мотострелковые роты. Но установить контроль над «коридором» десантникам было под силу. Тем более в резерве, в доме, что стоял почти посередине прохода, находилась разведывательная рота, а чуть западнее – штаб полка. Там находилось подразделение охраны, а также танки.

Обойдя позиции роты, стоявшей в самой «зеленке», Кошеров увидел сержанта Беденко и рядовых Артюшина с Шохиным, собравших вокруг себя с десятков пехотинцев. Он взглянул на командира мотострелковой роты:

– Смотри, нашли общий язык! Мои, наверное, твоим такую лапшу на уши вешают, что долго стряхивать придется.

– Ничего, пусть пообщаются, – улыбнулся капитан. – Мои ваших уважают. Когда вы бои вели, взводные и даже сержанты подходили, спрашивали, почему мы не помогаем вам. Пришлось объяснять. А потом и рапорта писать начали. Человек двадцать с роты. С просьбой перевести для дальнейшего прохождения службы в десантные войска – и непременно к вам, в ваш батальон, причем немедленно! Замполит еле успокоил ребят. Так что не будем им мешать. Давай лучше взводных соберем, послушаем их доклады.

Кошеров окликнул Беденко.

– Я, товарищ капитан, – подбежал тот. – Мы тут с пехотой общаемся. Слишком уж много у них к нам вопросов. Но дело делаем, узнаём, что надо!

– Общайтесь. Я не по этому поводу тебя вызвал. Пошли-ка Шохина найти взводных, пусть прибудут сюда.

Вскоре подошли командиры взводов.

– Ну что, осмотрели позиции? Определились, где кого выставять? – спросил Кошеров у своих подчиненных.

– Да вроде определились, – ответил старший лейтенант Лихолетов. – Конечно, такую плотность охранения, как у мотострелков, мы не обеспечим, но под контроль возьмем.

– Надо больше постов в самой «зеленке» выставить! С юга-то серьезной угрозы ожидать не приходится. Все расписать, подготовить конкретные предложения, вплоть до состава постов, определить секторы ответственности, организовать взаимодействие. И все это сделать до 12.00.

– Сержант! – крикнул Беденко Лихолетов. – Это еще что за сборище вы устроили?

– Так, обстановку оцениваем, товарищ старший лейтенант.

– Вижу, как оцениваете... Ты позицию для своего отделения выбрал?

– Так точно!

– Показывай, где и что ты выбрал!

– Так тут и выбрал. На место бэтэра БМД поставим, капонир подойдет, рядом пулеметная точка, да пару сменных одиночных постов по сторонам на удалении взаимной видимости выставим. Можно и один пост использовать. Тут у пехоты все организовано и расписано. Только у них людей было больше, они на посты по два бойца выводили. Что ночью, что днем. Нам столько не требуется, да и солдат не хватит. А для отделения позицию я выбрал.

– Пройдем, поглядим, что с постов видно будет.

Проведя осмотр местности, Лихолетов посты решил не выставять. Для контроля над зоной ответственности взвода было достаточно пулеметных точек и по одному человеку на БМД, у орудия и пулемета. Составив схему обороны, старший лейтенант Лихолетов напра-

вился к ротному. Кошеров выслушал доклад взводного, согласился с его предложениями. Точно так же он отработал боевую задачу и с двумя другими взводными, старшими лейтенантами Готовым и Суровым.

Ровно в 14.00 седьмая парашютно-десантная рота заняла позиции вдоль «коридора». Девятая рота закрепились в квартале, восьмая – во дворе и в здании недостроенного вокзала. Мотострелковый батальон, отдельная разведывательная рота и танковый взвод вместе с трофейной «восьмидесяткой» отошли от привокзальной площади. Голубятников доложил командиру полка о том, что свою зону ответственности батальон занял. Бортнов напомнил о предстоящей операции по овладению северо-западным частным сектором.

– Сегодня вечером на КП полка расскажешь всем офицерам, какое решение принял.

– Я все помню, – ответил командир батальона, – работаю. Решение будет доложено в установленное время.

Глава 2

Возложив контроль за приемом позиций на начальника штаба, подполковник Голубятников с 12.00 22 января готовил план операции по овладению северо-западным сектором частных домов. «Зеленка», хотя и небольшая по размерам, тем не менее представляла собой весьма опасный район. В развалинах и подвалах сохранившихся после бомбардировок зданий могло укрыться достаточно большое количество боевиков, бежавших из центра, от дома правительства, зданий департамента госбезопасности, МВД и других хорошо укрепленных пунктов. А главное, терять им было нечего. Дальше отступать некуда. А загнанный волк очень опасен. Тем более опасна стая волков.

То, что в штабе полка после взятия крупных опорных пунктов противника этому не придавали серьезного значения, было крупной ошибкой. Зачистка «зеленки» могла превратиться в бойню. Боевики наверняка попрятались в секторе, а вот разведанных, сколько их и где они скрывались, никто не знал. Поэтому комбат скрупулезно, как и все, что он делал, планировал операцию, прорабатывая варианты возможных действий подчиненных в «зеленке». Расписывал задачи подразделениям, определял места установки блокпостов, организации патрулирования, применения боевых машин десанта. После 14.00 он вызывал к себе заместителей и ротных, поинтересовался их мнением. Постепенно план начал принимать реальные формы.

В семнадцать ноль-ноль на КНП прибыл заместитель по воспитательной работе майор Холодов, принес списки военнослужащих, представленных к наградам за штурм департамента. Отложив карту района, Голубятников просмотрел их и внес коррективы: подготовил ходатайство о присвоении Холодову и Кувшину званий Героев России и пополнил списки до семидесяти восьми человек. Более сорока военнослужащих представлялись ко вторым наградам. Подписав скорректированные документы, отложил их в сторону.

Холодов, присев рядом с комбатом, сказал:

– Ты, командир, напрасно нас с Кувшиным к Герою представил. Не дадут!

– Почему?

– Потому что мы, я имею в виду батальон, скорее всего свой лимит на Героев уже выбрали. Ты же знаешь, как у нас награждают. Сколько «сынков» всяких да штабистов на войну присылают только для того, что их засветить да к награде представить. Я с заместителем Бортнова, Кирилиным, разговаривал на этот счет, так он рассказывал, что сюда, в Грозный, один командующий округом своего сыночка-подполковника прислал. Тот в штабе карты рисовал, а здесь его на полк поставили. А он и батальоном-то не командовал – да что батальоном, ротным не служил! Так, взводным несколько месяцев. И – на полк! А его сразу же в бой бросили. Пришлось начальнику штаба командование на себя принимать, потому как новоявленный командир, ни во что не врубаясь, в запой ушел. Полк задачу выполнил – он где-то на северном направлении действовал; сынка тут же отозвали в Моздок. А по пути на колонну якобы «духи» напали. В ходе боя подполковник получил контузию. В общем, разыграли спектакль. И все бы хрен с ним, если бы этого сынка трусливого к Герою не представили. Папенька постарался. Теперь сыночку и на грудь звезду, и на погоны звездочки, и должность генеральскую. Походит года три полковником, лампасы наденет – и в Москву, в Генштаб. И таких сынков много. Так что нам не дадут. И так расщедрились, пятерых офицеров представили к Герою. Хорошо, если двоим-троим присвоят...

Как выяснилось в дальнейшем, Холодов оказался прав. Те, кого первыми представили к Герою, заслуженные награды получили, а вот Кувшинина и замполита вышестоящее командование посчитало достаточным наградить орденами. И даже не Мужества, а «За военные заслуги». В то же время подполковник, о котором говорил Холодов, получил Звезду Героя,

досрочно звание полковника и впоследствии ко Второй чеченской кампании – генерал-майора. Он и сейчас служит на более высокой должности в звании генерал-лейтенанта. Для сравнения: Святослав Голубятников был уволен в запас в звании подполковника. Уму непостижимо: Герой России, кавалер двух орденов Красной Звезды, прошедший Афганистан, самое пекло войны в Чечне, опытный боевой офицер дошел только до заместителя командира полка, закончив службу старшим преподавателем в десантном училище. Ну как тут не вспомнить анекдот, который ходил в войсках еще во времена Советской Армии. Сын-лейтенант спросил своего отца-генерала, станет ли и он генералом. Отец ответил: конечно, очень даже просто. Сын – новый вопрос: а могу ли я стать маршалом? Отец усмехнулся: нет, сынок, маршалом ты не станешь, у маршалов свои дети есть! Вот так. Вроде смешно, но отчего-то грустно.

В семнадцать тридцать на КНП пришел начальник штаба майор Кувшинин, выложил на стол планшет и доложил:

– Заявки по всем вопросам доукомплектования уточнены, согласованы, сейчас приведу их в порядок и отправлю в штаб полка. А заодно с ними – и данные по трофеям.

– Сколько будем сдавать? – спросил Голубятников.

– Сто сорок семь единиц. И гранатометы, и пулеметы, и автоматы – то, что не оставили в ротах.

– Это нормально.

– Сережа, – обратился к Кувшину Холодов, – командир нас с тобой к Герою представил.

Начальник штаба воспринял эту новость спокойно.

– Что, ты думаешь, присвоят? – с надеждой проговорил Холодов.

– Нет, не присвоят. Но, как говорится, не ради наград... Не знаю, как ты, Саша, а мне без разницы, наградят или нет. По мне, быстрее бы весь этот бордель закончился, чтобы домой вернуться. Живым и невредимым. И пацанов матерям вернуть, чтобы жили.

– Этих, возможно, и вернем, – задумчиво проговорил Холодов. – Через месяц-другой война поутихнет, сменят нас. Но если подожгли Кавказ, то гореть он будет долго, и вместо сегодняшних парней сюда бросят других, третьих, четвертых... Так и будет крутиться эта кровавая карусель. И остановить ее вряд ли в ближайшие десятилетия удастся. Слишком уж все далеко зашло.

Голубятников прервал заместителя по воспитательной работе:

– Все! Отставить философские разговоры. Готовь доклады в штаб. Чтобы к 18.00 все необходимые документы были у Левина. С 19.00 начнем вырабатывать окончательное решение по овладению «зеленкой»! Я план набросал, обсудим его, внесем коррективы, так что в семь часов ровно всем заместителям, командирам подразделений, начальникам служб быть здесь, на КНП. Вопросы? Нет вопросов. Отлично! Сергей, предупреди Белова, чтобы перед совещанием ужином нас покормил.

Грозный, 22 января, 19.00

После ужина командный состав батальона собрался на КНП. Голубятников представил разработанный им план предстоящей боевой операции в «зеленке». Обсуждение, уточнение, организация взаимодействия заняли полтора часа. Итог подвел комбат. Разведрота без одного взвода численностью двадцать человек должна была зачистить северную часть сектора с востока на запад – от здания МВД к парку имени Ленина. В результате зачистки выставлялись два взводных блокпоста, на востоке и на западе. Днем было предусмотрено пешее патрулирование участка нарядом в три человека. Он выделялся поочередно от каждого из взводов. Седьмая парашютно-десантная рота – сорок человек – проводила зачистку с

востока на запад вдоль железнодорожных путей от первого квартала до парка имени Ленина. Ширина «коридора» – пятьдесят метров. Рота выставила четыре блокпоста и ежедневно выделяла два патруля по три бойца в каждом, тем самым обеспечивая контроль над основным «коридором» и ближайшими подходами к нему. Девятая парашютно-десантная рота без одного взвода получила задачу зачистить «коридор» от департамента до парка. Ширина – от тридцати до пятидесяти метров с выставлением трех блокпостов и пешим патрулированием двумя нарядами по три человека. Восьмая парашютно-десантная рота и все остальные подразделения должны были оставаться на месте, выделяя днем один мобильный патруль на БМД – три человека кроме экипажа, и два пеших патруля по три человека. Разведвзвод переводился в резерв и при необходимости выполнял роль разведгруппы: десять десантников на двух БМД. Местом их постоянной дислокации оставался дом, в котором до этого располагалась отдельная разведрота мотострелков. Седьмой роте было легче – за основу комбат взял предложения мотострелковой роты, которая, выставив на подготовленных позициях блокпосты, держала до отвода основной коридор.

– Таким образом, товарищи офицеры, – еще раз повторил в конце совещания Голубятников, – после утверждения плана командиром сводного полка мы должны выполнить основную на данный момент задачу – овладеть северо-западным частным сектором. Под нашим контролем будет участок длиной около восьмисот метров и шириной около двухсот. Надо обеспечить охрану и квартала, и привокзальной площади, и «коридора». Плацдарма как такового больше не существует, теперь мы имеем зону ответственности. Я сейчас убываю на КП полка, вам ждать моего возвращения. Личному составу отбой, как положено. По возвращении – постановка окончательной задачи. Еще раз продумайте свои действия, определите, куда, кого выставите, как будете осуществлять зачистку; согласуйте взаимодействие подразделений при столкновении с противником – как с малыми группами, так и с крупными отрядами.

Когда мы вошли в Грозный, то впервые за всю войну брали такую площадь, как перед вокзалом. И без потерь не обошлось. Но ведь и опыт бесценный приобрели. Батальон сражался, находясь в обороне, зажатый «духами» практически с трех сторон. Потом нам удалось захватить с первого взгляда совершенно неприступный департамент. И тут мы обошлись уже без потерь. Я имею в виду сам штурм. Теперь батальону предстоит отработать задачу в «зеленке». Это будет не просто. Враг может находиться везде – в каждом уцелевшем доме, в каждом подвале, за каждым валуном. Поэтому прошу и требую психологически настроить бойцов на этот бросок, а то вижу, что после взятия департамента некоторые бойцы расслабились. Мол, что такое «зеленка» против департамента? Подобных мыслей быть не должно. Расслабление смерти подобно. Вот что должен понять каждый из бойцов. Если, естественно, хочет вернуться домой живым. Это вам понятно?

Поднялся капитан Кошеров:

– Считаю, что мы напрасно не выставили посты на железнодорожных путях. Я имею в виду основной «коридор».

– У нас не хватит сил заблокировать его весь. Но с юга мы все же прикрыты – по крайней мере, на данный момент, – а в случае экстренной необходимости, при угрозе с юга, у нас остается резерв. Он и перекроет подходы к железнодорожным путям. Займем «зеленку», а дальше посмотрим, стоит ли держать в ней столько сил. Да и, скажу по секрету, недолго нам здесь находиться; скорее всего, будем наступать на восток. Но всему свое время. Еще вопросы есть?

Командиры рот промолчали.

В 21.00 комбат вместе со связистом и группой сопровождения отправился на КП полка. Почти полчаса Голубятников объяснял полковнику Бортнову суть разработанного плана.

Командир полка скрупулезно обсуждал каждый пункт, вникал в каждую мелочь и, в конце концов, утвердил его решение.

Окраина Грозного, 23 января, 9.30

Утром следующего дня роты начали выход на исходные позиции. В девять сорок прошел доклад от командиров подразделений о готовности к зачистке территории. Ровно в десять часов командир батальона по связи передал приказ:

– Стрела-10! Я – Аркан! Вперед!

Разведывательная, девятая и седьмая роты вошли в «зеленку». Так как на подразделение приходился ограниченный по ширине коридор, роты перестроились в две колонны, чтобы бойцы, обходя естественные препятствия, не скапливались в одном месте. Иначе одной очередью или взрывом гранаты противник мог поразить сразу несколько человек. Впереди колонн шли дозоры из двух бойцов. В это время боевые машины десанта седьмой роты вышли на позиции прикрытия основного «коридора». Техника других подразделений оставалась на месте. Резервный взвод разведчиков, как и личный состав подразделений обеспечения восьмой роты, находился в готовности поддержать действия основных сил батальона или взвод девятой роты, оставшийся в квартале. В принципе, с востока каких-либо действий противника ожидать не приходилось, но на этой войне было возможно все, даже невозможное, непросчитываемое и логически необъяснимое.

Два взвода девятой роты капитана Бореви́ча шли посередине частного сектора. В передовой дозор ротный отправил рядовых Илью Тарасюка и Семена Никонова, бойцов некогда блуждавшего по тылам противника отделения сержанта Павла Руденко. За ними, на расстоянии зрительной связи, двигались взводы старших лейтенантов Алексея Гришина, позывной «Ясень», и Анатолия Панурина, позывной «Курган». Со вторым взводом шел и командир роты с заместителем по вооружению. Капитан Сомов оставался с третьим взводом в домах квартала.

Погода выдалась теплая, но ненастная, легкий туман ограничивал видимость. Временами шел то мокрый снег, то мелкий дождь. Погодные условия затрудняли продвижение десантников. «Коридоры» пришлось расширить, дабы обеспечить видимость между ротами, не допустив неконтролируемых разрывов между подразделениями. Поэтому разведчики шли одной шеренгой. На начальном этапе зачистку затрудняли и воронки от массированного обстрела восточной окраины «зеленки» артиллерийской батареей капитана Селина. И только выйдя из зоны воронок, рота смогла выровнять боевой порядок. Расширив свой «коридор», разведчики развернулись в одну зигзагообразную шеренгу. Девятая продолжала движение в прежнем порядке.

Рядовые Тарасюк и Никонов, составлявшие передовой дозор, шли в пятидесяти метрах от ломаной линии первого взвода девятой роты, держа интервал в пять метров. Пройдя метров семьдесят, Тарасюк неожиданно поднял руку вверх и опустил на колено. То же самое сделал его напарник. Остановился и взвод. Никонов посмотрел на Тарасюка. Тот указал рукой на стоявший в тридцати-сорока метрах впереди остов дома без крыши. Используя кустарник, Никонов перебежал к Тарасюку.

– Ты чего встал, Илья? В доме что-то увидел?

– А ты нет?

– Нет! И рядом ничего.

К бойцам подошел командир первого взвода старший лейтенант Гришин со связистом.

– Что у вас? – спросил он, обращаясь к Тарасюку, подавшему сигнал опасности.

– Вроде в окне фигура какая-то мелькнула, – объяснил дозорный.

– Вроде или точно?

– Не знаю. Но кто-то в этом доме есть.

– Этот кто-то только мелькнул в окне, и все? Привидение, что ли?

– Да говорю, не знаю; я смотрел на левые развалины, а тут словно кто-то в окне появился и исчез. Ну, я и подал сигнал. Хрен его знает, может, в хате «дух» с пулеметом. Подойдем, а он по нас очередь. И вывернет кишки, как Жорке Лукрину.

Командир взвода внимательно посмотрел на дом. В это же время сигналом вызова сработала радиостанция.

– Ясень на связи! – ответил Гришин.

– Рыбак! Что за остановка?

– Передовой дозор заметил движение в одном из уцелевших домов. Показалось, что кто-то будто бы мелькнул в проеме окна.

– И долго вы собираетесь выяснять, кто и где там мелькнул?

– Нет! Сам проверю.

– Тебе самому в доме делать нечего, – запретил капитан Борович. – Пусть его проверят дозорные, а ты на всякий случай подтяни к зданию отделение. И давайте быстрее. Если будем у каждой развалюхи останавливаться, дотемна «зеленку» не пройдем.

Гришин повернулся к дозорным:

– Тарасюк слева, Никонов справа обходят подозрительный дом. Проникает в него Тарасюк, Никонов прикрывает с тыла, я прикрываю Тарасюка отсюда. Тебе, Илья, – старший лейтенант Гришин взглянул на Тарасюка, – войти в дом. При малейшей угрозе стрелять без предупреждения. И давайте, ребята, быстрее, роту держим!

Но не успели дозорные сделать и пару шагов, как из дома вылетел овальный предмет. По характерному щелчку предохранительной чеки бойцы поняли, что в них летит граната.

– Ложись! – крикнул Гришин и сам уткнулся лицом в мокрый снег. Раздался мощный взрыв, свист осколков.

С дерева на старшего лейтенанта упала срезанная ветка яблони. По камуфляжу ударили комки земли.

– Ни хрена себе! – воскликнул он. – Ф-1⁶! Вот и привидение, мать его... Эй, дозорные, – крикнул он рядовым, – живы?

– Жив, – ответил Тарасюк.

– Цел, – вторил ему Никонов.

– Так, ребятки! По моей команде открываете огонь по зданию, прикрываете меня. Я зайду к зданию справа; как только доберусь до ближайшего от хаты куста, огонь прекращаете. Все ясно?

– Может, мы пойдем, – предложил Тарасюк, – или ребят со взвода вызовем? Зачем вам зря...

– Отставить, – прервал солдата Гришин. – Нет у нас времени... Оружие к бою!

Под прикрытием дозорных взводный обогнул дом, откуда была брошена граната, и залег за кустом. Пули десантников били по фасаду здания. Внутри же – тишина. Гришин поднялся и бросился к проему двери. Дозорные тут же прекратили огонь. У самого входа на него выскочил крепкого телосложения молодой чеченец в камуфляже с зеленой повязкой поверх пышной шевелюры. На мгновение и офицер и боевик застыли от неожиданности. Но только на мгновение. Очухавшись, боевик вскинул автомат. Выстрелить в него Гришин не успевал, поэтому пошел в рукопашку. Отбросив «АКС», он первым ударом ноги выбил оружие из рук чеченца, вторым сбил того на землю. Но «дух» оказался крепким. Он быстро перевернулся через голову, вскочил на ноги, вытащил из ножен кинжал и бросился на офицера. Гришин отбил рубящий удар боевика, нацеленного прямо ему в шею, и тут же нанес

⁶ Ручная противопехотная оборонительная граната, дальность разлета осколков до 200 м.

чеченцу прямой в нос – болезненный, отшибающий мозги удар, ломающий хрящи и вызывающий обильное кровотечение.

Чеченец покачнулся. Из черных глаз брызнули слезы, из ноздрей хлынула кровь. Но он снова устоял, вот только выронил кинжал, что его и погубило. Старший лейтенант, получив явное преимущество, провел еще серию ударов в голову, горло и солнечное сплетение чеченца. Боевик рухнул на спину.

Ну, вроде всё. Офицер бил на поражение; один только удар в горло должен был убить противника. Гришин, подняв автомат «духа», осмотрел через проемы в стенах комнаты и вошел в дом. В кухне он увидел на столе пачку сигарет и две гранаты. Хотел забрать их, как услышал за спиной шум. Резко обернулся – и был сбит с ног набросившимся на него окровавленным, но живым боевиком. Тот мертвой хваткой схватил офицера за отворот куртки. Гришин нанес нападавшему удар ладонями по ушам. Боевик взвыл от боли. Старлей ударил чеченца пальцами в глаза и, выпрямив поднятую в колене ногу, отбросил врага от себя. Тот ударился о стену, нагнулся, стоя на коленях. Гришин потянулся за пистолетом, так как автомат чеченца оказался под столом, и увидел в руках у «чеха» гранату.

Внутри у Гришина похолодело. Чеченец рванул кольцо. Через три секунды прогремит взрыв, который разнесет и его, и старлея в клочья. Действуя больше автоматически, нежели сознательно, Гришин прыгнул к левой стене. Он не видел окна, но попал точно в проем. Вылетел на снег, ударился о землю. Одновременно прозвучал взрыв гранаты, снова противно взвизгнули осколки, вылетевшие сквозь окно. И наступила тишина.

Пришел в себя Гришин от голоса склонившегося над ним Тарасюка:

– Товарищ старший лейтенант, вы живы?

Взводный потряс головой:

– Да вроде живой! – Поднял одну руку, вторую, присел, потрогал ноги, поднялся. – Живой! И даже не ранен. А думал – все, хана мне...

К дому подошли солдаты, появился и ротный.

– Ну, и что за шоу ты устроил в развалюхе, Гришин?

– Да наскочил на «духа». Лоб в лоб встретились на входе! Вот и схлестнулись в рукопашной.

– Гранату в дом бросить ума не хватило?

– А если бы в доме, кроме «духа», женщины, дети, старики оказались? Или наши пленные? Из-за одного придурка надо было и их валить?

– Ладно! Будем считать, ты поступил правильно. Но почему сам пошел на «духа»? Я что приказал? Воспользоваться дозором, подтянуть отделение...

– Кстати, командир, насчет дозора и отделения. У боевика на кухне, прямо на столе, лежали две Ф-1, разрыв одной из которых наверняка все слышали. И эти «эфки», а, возможно, и другие – надо еще проверить хату – полетели бы и в дозор, и в отделение. Впрочем, так и случилось в отношении дозора. Только по чистой случайности осколки никого не задели.

– Хорошо! Но почему ты сразу не завалил «духа»? Дал бы под сопатку, он и загнулся бы...

– В том-то и дело, что бил так, чтобы убить, но «чех» на редкость живучим оказался. Или хорошо подготовленным и знающим, как уклоняться от смертельных ударов. Чуть отвернул шею – и смертельный удар превращается в обычный. Да и вырубил я его. А потом пошел быстро дом осмотреть. На кухню зашел, увидел гранаты... А тут он. Хорошо, падая, успел ногу согнуть. Дал ему по ушам, по глазам, отбросил к стене. А он, сука, каким-то образом гранату успел схватить. А может, она у него с собой была... И получилась картина Репина: у стены окровавленный «душара» с гранатой, рвет кольцо, я прыгаю в сторону...

Как оказался на улице, не знаю. Это еще попасть в проем надо было. Я окна даже не видел, прыгнул подальше, и все. Следом – взрыв по ушам...

– Повезло тебе, Леша! – сказал Борович.

– Повезло. Только, знаешь, где видал я подобные ситуации...

– Что, теперь бросишь гранату перед тем, как заходить на объект? А как же женщины, дети, пленные?

– Слушай, капитан, не передергивай.

– Ладно, Леша, не обижайся. Зачистку продолжать можешь, или мне тебя к комбату отправить?

– Я не ранен, не контужен – ну, если только слегка, – так что командовать взводом в состоянии. Надо бы дом этот проверить.

– Уже проверили. Два ствола, три Ф-1, две РГДшки⁷. Ну, и труп твой...

Разговор прервал связист.

– Товарищ капитан, вас вызывает на связь комбат.

– Что за взрывы в твоём «коридоре», Рыбак?

– Дозор нарвался на боевика. Тот применил гранаты, Ясень его уничтожил.

– Потери?

– У нас нет.

– Продолжайте выполнение задачи!

Рядовые Шохин и Артюшин, назначенные в дозор седьмой роты, слышали близкие разрывы гранат. Артюшин остановился.

– Наши или «духи» рванули «эфки»?

– А я знаю? – ответил Шохин. – Нам-то что делать? Может, соседи в бой вступили?

Сзади послышался голос старшего лейтенанта Лихолетова:

– Почему встал дозор?

– Соседи...

– Что соседи? У них все нормально, продолжайте движение.

Бойцы двинулись дальше, внимательно всматриваясь в «зеленку». Неожиданно Артюшин подал сигнал опасности и присел на колени.

К нему подобрался Шохин:

– Ты чего, Миша?

– От дерева, что левее полуразваленного сарая, к кустам метнулся какой-то мужик.

– Тебе не показалось?

– Нет! Точно метнулся и исчез. Словно под землю провалился.

Вторая остановка дозора заставила старшего лейтенанта Лихолетова вместе со связистом и сержантом Беденко догнать бойцов.

– Ну, что опять у вас?

Шохин кивнул на Артюшина:

– Миша видел, как впереди от сарая к кустам шарахнулся «дух».

– И куда он делся? Артюшин, – Лихолетов повернулся к солдату, – куда «дух» делся?

– Вот и я думаю, куда. Место просматривается, а он исчез. Не иначе залег. Затаился, гад, чтобы накрыть нас при подходе.

– А что ему мешало завалить вас от сарая?

– Не понимаю...

– Вы двое роту держите. Вот что вы не понимаете.

Артюшин повернулся к Шохину:

– Пошли! Я присмотрю за кустами.

⁷ Ручная осколочная граната, радиус разлета осколков до 25 м.

Но Лихолетов, подумав, остановил дозор.

– Погодите! Стоять нельзя, но и буром переть глупо. Сделаем вот что. Давайте-ка, – он повернулся к Шохину с Артюшиным, – обойдите слева сарай и зайдите к кустам с тыла. Страхуйте друг друга, когда зайдете за развалины, а здесь мы с Беденко в случае чего прикроем. Ясно? – Повернулся к связисту: – Связь с ротным!

– Охотник! – отозвался Кошерев.

– Я – Леший. Дозорные видели «духа». Он где-то рядом затаился. Сейчас проясню ситуацию.

Передав связисту гарнитуру радиостанции, Лихолетов приказал связисту отойти назад и вместе с Беденко внимательно осмотрел участок, где, по словам дозорных, исчез боевик.

– А может, это не «дух» был, а простой чечен, что с семьей прячется в «зеленке»? – предположил Беденко.

– Может быть, сержант. Только куда он делся? Обозначил бы себя белой тряпкой... Ты за дозором смотри. Как бы там, в «мертвой» зоне, чего не произошло... Хотя нет, все нормально, появились.

Артюшин с Шохиним, обойдя развалины сарая, вышли на лужайку, осмотрелись. Шохин повернулся к взводному, показал сигналом – никого. Лихолетов махнул рукой по направлению к кустарнику. Десантники прошли несколько шагов – и исчезли. Почти сразу раздался крик Артюшина откуда-то из-под земли:

– «Духи»!

– Черт! – воскликнул Лихолетов. – Связист, отделение сюда! Беденко, за мной!

Офицер и сержант бросились к тому месту, где, как под землю, провалились подчиненные...

Шохин с Артюшиным, пройдя несколько шагов, увидели следы, обрывающиеся прямо у куста, подобрались к нему и... покатались вниз. Они упали в полутемный подвал и оказались в окружении четверых боевиков. Тут Артюшин и крикнул:

– «Духи»!

Один из бандитов ударил его прикладом автомата, но Артюшин успел уклониться, и удар пришелся вскользь, хотя рядовой изобразил потерю сознания. Шохина, обезоружив, подняли на ноги двое боевиков. Старший оскалился:

– Ну что, шакалы, попались? Десантники? Это хорошо, мы давно хотели кого-нибудь из вас живьем зацепить. Чтобы на куски порезать.

Глаза его блестели неестественным блеском. Видно, бородач принял изрядную дозу героина. Шохин ответил, стараясь выглядеть спокойным:

– Чего радуешься, придурок? Это не мы, это вы попали, уроды. наших здесь целый батальон. И ребята видели, что мы сюда провалились. Вы можете, конечно, и на лоскуты нас пустить, но потом наши вас тросами БМД четвертуют. Так что лучше складывайте оружие и выходите наверх. Глядишь, и выживете.

– Ты, сволочь, оборзел, да? – вскричал старший. – Я тебя, свинью русскую...

Боевик внезапно замолчал. Сверху донесся голос Лихолетова:

– Шохин! Артюшин!

Старший банды поднял к пролому голову:

– Твои шакалы у меня. Сам кто?

– Офицер! Что с бойцами?

– Пока ничего. Один отдыхает, ударился сильно; второй рядом, мы с ним беседуем.

– Пусть голос подаст.

– Ты, офицер, еще условия диктовать будешь?

– Короче, ты, козел немытый! Или сейчас же кто-нибудь из моих подаст голос, или я забрасываю к чертовой матери ваше подземелье гранатами. У тебя минута.

Боевик взглянул на Шохина:

– Отзовись!

Рядовой крикнул:

– Я – Шохин, мы у «духов». Их ...

Боевик не дал договорить десантнику, подал знак, и один из бандитов заткнул ему рот.

– Ну что, офицер, не передумал бросать гранаты? – выкрикнул главарь.

– Что ты хочешь?

– Ай, совсем немного. Я хочу со своими братьями уйти отсюда. Ты должен обеспечить это. Мы выйдем из подвала с твоими солдатами и уйдем на восток. Как выйдем к своим, солдат отпустим.

– Я понял тебя. Жди, свяжусь с командованием. Предупреждаю: если хоть пальцем тронете солдат, мы вас на куски порвем.

– Ты не грози, ты дело делай, офицер!

Лихолетов отошел от ямы.

– Схрон здесь у «духов», – сказал Беденко, – туда и сиганул чечен, которого Толян с Михой засекли. А когда встали вдвоем на крышку, та не выдержала. Пацаны и провалились.

– Это мне и без тебя ясно... Связист, ко мне!

Вместе со связистом к командиру взвода вышел и командир роты.

– Что у тебя тут, Лихолетов?

– Дозорные у «духов», – сплюнул на снег старший лейтенант. – Подошли к кустарнику и провалились в подвал. У «чехов» там схрон оказался.

– Твою мать! Они что, не видели, что след у кустов обрывается?

– Не знаю, что они видели, но Шохин с Артюшиным у боевиков в подвале, и старший «духов» требует, чтобы его с соплеменниками пропустили к своим на восток. Тогда они и бойцов отпустят.

– Да, молодцы, ничего не скажешь.

– Надо отвести роту, согласиться на требования боевиков, – предложил Лихолетов. – Я сам со снайперской винтовкой залягу слева, там у колодца местечко удобное. Беденко займет позицию справа. Как только «духи» выйдут с нашими, мы боевиков и отстрелим. Другого выхода не вижу.

– Чеченов за идиотов держишь? Так они тебе и подставятся, не подстраховавшись. Наверняка выведут солдат, обвязанных взрывчаткой. Да им и по одной гранате хватит. Ты выстрелишь, «духи», падая, кольцо выдернут, и разнесет пацанов на куски... Да и не пойдут они пешком. Затребуют технику, БМД...

– Так что ж тогда делать будем? Не оставлять же ребят «духам»?

– Так, веди роту дальше, а я здесь останусь с Беденко и своим связистом. По ходу решим, что делать.

– Комбату доложишь?

– Ты роту веди, Лихолетов, продолжай зачистку да проинструктируй бойцов, чтобы под ноги смотрели. А я здесь разберусь как-нибудь. Вперед!

Лихолетов направился к личному составу роты. Кошеров приказал ротному связисту вызвать командира батальона.

– Аркан! Я – Охотник! У меня ЧП. Двух бойцов «духи» захватили.

– Что значит захватили? – повысил голос командир батальона. – Какие «духи», где?

Капитан Кошеров доложил ситуацию с Шохиним и Артюшиным. Голубятников помолчал, переваривая информацию, потом спросил:

– Есть мысли, как вытащить ребят?

– «Духи» сами предложили вариант.

– Нетрудно догадаться, какой! Пропуск с сопровождением на восток... Роту дальше отправил?

– Отправил.

– Где схрон?

– Метрах в ста от начала «зеленки» по моему коридору... Минуту, командир. В схроне слышится шум борьбы, очередь, вторая... Не иначе, как наши решили сами исправить ситуацию!

– Черт! Слишком рискованная затея. Я к тебе, ты... Ну, ты сам знаешь, что делать.

Кошеров бросился к проему, у которого стоял Беденко, держа наготове автомат.

– Что там, сержант?

– Черт его знает! Похоже, бой! Лишь бы не завалили «духи» пацанов. И чего дернулись? Ведь должны были врубиться, что мы их вытащим.

– Теперь, Беденко, как карта ляжет.

– Может, мне вниз спрыгнуть?

– Куда? Под пули «духов» или своих? Стой, где стоишь!

Внизу между тем разыгралась настоящая драма. Выставив свои условия, старший из боевиков приказал подельникам снять повязку со рта Шохина. Спросил:

– Кто со мной разговаривал?

– Ротный наш, – ответил Шохин. – Мужик – зверь. С ним шутки плохи. Он ваших в департаменте валил налево и направо.

– В ДГБ? Так это вы, шакалы, штурмовали департамент?

– Мы! И площадь брали тоже мы.

Боевик вытащил из ножен нож, провел лезвием Шохину по шее.

– Прирезать бы тебя, свинью, да нужен ты пока... Но если твой ротный начнет время тянуть, то, клянусь, я отрежу твою башку и выброшу ее наверх. Нам и одного заложника хватит.

– Зря ты, дядя, на неприятность нарываешься, – процедил Шохин. – Тебе бы сдаться...

– Помолчи, шакал. Мы уйдем отсюда. С вашей же помощью.

– Не вырветесь. Раньше надо было сваливать, теперь поздно. Не наши, так другие вас достанут.

– Герой, да? Смелый? Десантник? Посмотрю я на твое геройство, когда голову резать буду...

Шохин потупил взгляд.

– Вот так-то лучше, грязная свинья, – злорадно проговорил старший. – Заткнись и стой смиренно, не зли меня.

Шохин замолчал и мельком глянул на Артюшина. Тот лежал головой в сторону друга. Приоткрыл глаз, подмигнул. Шохин понял: Артюшин в порядке, он симулирует, что потерял сознание, а боевики не обращают на него внимания. Значит, не все потеряно...

Артюшин ждал удобного момента. Он уже знал, что делать. Как только старший отошел к стене, а второй боевик присел на оружейный ящик, поставив автомат между ног, Артюшин вскочил, резким ударом в челюсть сбил с ящика бандита и схватил автомат. Шохин тут же пяткой ударил правого боевика по голени. Тот вскрикнул от боли и отпустил десантника. Получив свободу, Шохин с размаху въехал кулаком в переносицу второго державшего его бандита. Боевик без сознания рухнул на бетонный пол. Все произошло мгновенно. Вскрики, шум борьбы и услышал командир роты. Старший банды не успел среагировать на внезапные действия десантников – одурманенная наркотой голова соображала медленно. Он поднял автомат, но это было его последнее движение. Артюшин выпустил очередь сначала в бородачу, затем, развернувшись, по очереди расстрелял и трех остальных бандитов. Опустив ствол, взглянул на Шохина:

– Ну вот и порядок, Толян. А то раздухарились, черти! Голову отрежут... Отрезали, сучары! Так и сгниете здесь, волки позорные... Да, Толян?

– Точняк! Миха, а ты, оказывается, артист... Мне и в голову не пришло, что ты не в отрубе.

– Был бы в отрубе, если б вовремя не увернулся.

Сверху раздался голос командира роты:

– Артюшин, Шохин!

– Здесь мы, товарищ капитан. Все ништяк, сделали «духов».

– Ну вы и...

Договорить капитан Кошеров не успел. К пролomu из-за развалин в сопровождении охраны вышел командир батальона.

– Ну что, Юра?

– Все в порядке, – улыбнулся Кошеров. – Ребята сами разобрались с «духами».

Голубятников подошел к яме.

– Эй, внизу! Живы?

– Так точно, товарищ подполковник, – ответил Артюшин. – Тут лестница под топчаном, сейчас поднимаемся.

– Погоди! Сколько было в подвале боевиков?

– Четверо.

– Так, посмотритесь! Нет ли по соседству других помещений? Да, стволы приведите к бою!

– Понял! Вы правы, есть дверка справа. Деревянная. И еще лаз рядом с топчаном. Прикрыт листом железа.

– Отойти к стене, следить за дверью и листом. – Комбат повернулся к Беденко: – Сержант, вниз! Проверить, что там за помещения или ходы. Но аккуратно! Гранаты есть?

– Так точно!

– Если что, внутрь их, сами на пол, за стены.

– Разрешите и мне вниз? – обратился к комбату Кошеров.

– Давай! Задача ясна?

Кошеров и Беденко спрыгнули в подвал, отскочили к стене, привыкая к темноте. Первый указал Шохину на дверь. Рядовой кивнул, подошел к ней, рванул на себя, отпрыгнул назад – к двери могла быть протянута растяжка. Но взрыва не последовало. Артюшин ворвался в соседнее помещение. Он практически ничего не видел в темноте, но услышал испуганный женский голос:

– Не стреляйте, здесь дети!..

Этот вскрик услышал и Кошеров. Он вошел в комнату следом за Шохиним, осветил помещение фонариком. В углу подвала на куче матрасов, подушек, одеял и прочего тряпья сидели две женщины, молодая и пожилая, и дети от трех до пяти лет – мальчик и две девочки. Дети закрыли лица руками.

– Та-ак, – проговорил Кошеров, опуская вниз ствол автомата. – Ну, а вы кто будете?

– Мы местные, – ответила пожилая женщина, – раньше жили здесь рядом. Когда дом разрушили самолеты, хотели уйти, да долго собирались. Ваши войска вошли в город. Начались бои, пришлось вернуться. Наш подвал не подходил для проживания, а этот – вполне, он большой. Так и жили здесь почти весь последний месяц.

– Но тут же холодно, – воскликнул капитан.

– Ничего, – ответила пожилая чеченка, – вещей теплых много натаскали, иногда костер в комнате рядом разводили...

– Чем питались?

– Тем, что доставали, выменивали.

– Ну ладно, вы – понятно, а как же дети?

– А что дети? Они с нами, куда им без нас?

– Мальчик вот только простудился, кашляет, – вступила в разговор молодая женщина.

– Да тут не только закашляешь... Где же ваши мужчины? Они были среди тех? Я имею в виду боевиков в соседней комнате?

– Нет! – ответила пожилая чеченка. – Мой муж погиб 31 декабря, перед Новым годом. Его танк раздавил. Так люди говорили. Танк гвардейцев Дудаева. Случайно. А вот дочери муж, – она указала взглядом на молодую женщину, – позавчера ушел за продуктами, да так до сих пор и не вернулся. Наверное, и его убили.

– Ну, почему убили... Позавчера он спокойно мог уйти из сектора, вчера вернуться. А вот сегодня – уже нет. Так что вполне возможно, ждет где-нибудь, когда наши войска займут «зеленку», сектор частных домов. Потом вернется.

– И его не тронут?

– Если он не воевал против федеральных войск, не тронут. И если добровольно сдался, то тоже отпустят. Но вот вам оставаться здесь нельзя. И себя, и детей погубите.

– Но нам некуда идти...

– Что-нибудь придумаем. Ответьте лучше, что за лаз в соседней комнате прикрыт металлическим листом?

– Это ход на поверхность. Им пользовались те, кого вы убили.

– Как они вообще оказались здесь? – спросил Кошеров.

– Так это подвал старого сарая усадьбы, принадлежавшей Хасану, – объяснила молодая женщина, – он у Дудаева в подручных ходил. Жил здесь, потом ушел к мятежникам. В квартиру большую переселился. А как ваши стали бить дудаевцев, он сюда и вернулся. Недоволен был, что мы тут обжились, но не выгнал.

– Не выгнал, – сказала пожилая женщина, глядя на дочь, – потому что на тебя глаз положил. Увел бы он тебя.

– Мама! Ну что ты такое говоришь?

– Я знаю, что говорю, слышала, как он своим хвастал, что еще одну женщину заберет к себе.

– К себе – это куда? – поинтересовался Кошеров.

– Думаю, в Аргун, там у Хасана много родственников живет. И дом свой есть. Туда и забрал бы, а меня с детьми убил.

– Теперь не убьет! Давайте-ка, девушки, собирайтесь, лишнее брать не следует, только самое необходимое, пойдем наверх. – Капитан повернулся к Артюшину: – Помогите им и выведи в комнату, к лестнице.

– Фонарь только оставьте, товарищ капитан.

Кошеров передал подчиненным фонарь, вышел в комнату, указал рукой солдатам на металлический лист.

– Там подземный ход наверх; давай, Шохин, поднимись по нему. Да внимательно, на растяжку или мину не нарвись.

Сверху раздалась команда комбата:

– Отставить подъем по ходу! Что в соседней комнате?

– Две женщины – пожилая и молодая, и дети – пацаненок и две девчонки. Беженцы, скрывались здесь после того, как их дом штурмовики разбомбили. Малец болен.

– Тогда поднимайте их, вслед за ними выходите на поверхность сами. И быстро, Кошеров, быстро!

Бойцы подняли наверх женщин с детьми, выбрались из подземелья, вынеся четыре автомата и документы боевиков. Документы Голубятников положил в карман куртки, оружие приказал передать охране и одобрительно посмотрел на Артюшина:

– Как же вам удалось справиться с боевиками?

– Да мне их старшой заехал прикладом по черепу, только удар пришелся вскользь; но я прикинулся, что боевик меня вырубил. Лежал будто без памяти, пока «дух» вел переговоры и Шохину грозил. Ну, выбрал момент, схватил автомат, а Толян тем временем от «духов», что его держали, освободился. Одному пяткой в голень ударил, второго кулаком в носопырку. Я расстрелял всех. Так вот и справились.

– Молодцы! – Комбат повернулся к Кошереву: – Забирай своих героев и догоняй роту. – Приказал бойцам охраны: – Помогите женщинам, возьмите у них детей.

– А куда мы пойдем? – спросила пожилая

– Кажется, мальчонка у вас приболел? – взглянул на нее комбат. – Значит, сначала пойдем к медикам, а потом вас определят к другим беженцам.

– А как же нас найдет муж? – спросила молодая женщина.

– Найдет! Вы записку оставьте у провала, а лучше на дерево повесьте – так, чтобы ветром не сорвало. – Он передал женщине листок бумаги, карандаш. – Пишите! Мы у десантников, что стоят на вокзале. Будь осторожен с патрулем. Иди в сторону вокзала. Остановят, скажи, что к нам. Всё.

– А если его задержат ваши до того, как муж выйдет сюда? – робко спросила женщина.

– Я предупрежу и своих солдат, и соседей о том, что в «зеленку» может попытаться войти мужчина, ищущий семью. Его доставят ко мне... Охрана! С женщинами на КНП, вперед! Мы с Выдриным следом пойдем.

Бойцы с детьми на руках в сопровождении женщин, тащивших наскоро собранные баулы, направились в сторону привокзальной площади.

– Связь с медпунктом! – приказал Выдрину комбат.

На другом конце провода трубку взял капитан Адамский.

– Это Аркан! Я отправил к тебе из «зеленки» двух чеченок, у них мальчонка лет трех. Больной. Посмотри его. Да и остальных тоже, прежде чем их пускать к беженцам. – Голубятников взглянул на Выдрину: – А теперь связь с ротами!

– Стрела-10, Стрела-10! Вызывает Аркан, – запросил сержант.

Командиры рот доложили, что продвигаются медленно, но пока без серьезных стычек с противником. Замечены мелкие группы неизвестных лиц, направляющихся на запад.

Передав гарнитуру связисту, Святослав наконец-то позволил себе закурить.

– Ну и погода сегодня! Не пойми что. То вроде прояснится, то туман, то снег, то изморозь, да ветер пронизывающий...

– Да, товарищ подполковник, хреновая погода, – согласился Выдрин. – Уж лучше бы морозец – наш, уральский...

– Бери станцию! – приказал Голубятников. – Возвращаемся на КНП.

Глава 3

Зачистка северо-западного частного сектора закончилась в 14.00 24 января, немного позже назначенного срока. Но это объяснялось, во-первых, необходимостью проверить каждый дом, каждый подвал, развалины, всевозможные постройки, подбитую боевую технику, которая застряла в «зеленке». Во-вторых, короткими столкновениями с мелкими бандами боевиков. Это были остатки тех формирований, которые обороняли здания ДГБ, МВД, правительства. На восток и юго-восток они двигаться не могли, все пути отхода были блокированы. Так что в зону, пока еще не контролируемую федеральными войсками, оставался один путь отступления – через «зеленку», в том числе и в северо-западном секторе. В-третьих, продвижению десантников мешали плохие погодные условия – мокрый снег, слякоть, туман. Но как бы то ни было, ровно в 14.00 24 января, во вторник, командиры разведывательной, седьмой и девятой парашютно-десантных рот доложили комбату о выполнении первого этапа боевой операции.

Теперь предстояло оборудовать блокпосты. Их начали обустраивать в крупных, уцелевших от бомбардировок и налетов артиллерии домах и коттеджах. В проемах окон бойцы укладывали мешки с песком, оборудовали позиции круговой обороны, комнаты отдыха личного состава. На каждом блокпосту располагалось до взвода десантников. Заняв дома, бойцы пообедали сухим пайком. К наступлению темноты и второй этап операции по овладению северо-западным частным сектором был успешно завершен. Об этом командиры подразделений доложили комбату, а тот – командиру полка. Личный состав постов приступил к несению караульной службы.

Обосновавшийся в крепком двухэтажном, полностью сохранившемся здании недалеко от пересечения «коридора» с улицей, ведущей к дому печати, взвод старшего лейтенанта Лихолетова закончил оборудование блокпоста уже к 17.00. Взводный выставил два сменных поста – один на первом этаже, в зоне ответственности которого находились развалины и сады юго-западного направления, и другой – на втором этаже, который отвечал за северо-восточное направление, вплоть до улиц. Ровно через час на посты вышли первые часовые. После зачистки обстановка в «зеленке» успокоилась. Те боевики, что пытались оказать сопротивление, были уничтожены; остальные либо попрятались, либо, бросив оружие, ушли в кварталы многоэтажек.

Казалось, предстоящая ночь должна была пройти без каких-либо сюрпризов. Но это только казалось. Банда из шести бывших гвардейцев Дудаева, прятавшаяся в глубоком подвале под завалами из бетонных плит, трое суток просидела в укрытии. А когда закончилась пища и вода, ее главарь принял решение уйти из «зеленки». У бандитов была при себе гражданская одежда, собранная в близлежащих развалинах еще до зачистки сектора десанниками Голубятникова. Боевики не решились уйти утром, хотя слышали и стрельбу, и взрывы, сопровождавшие действия бойцов рязанского батальона. 23 января старший «духов» понял, что это зачистка территории, но допустил ошибку, решив, что десантники ограничатся прочесыванием местности и вернутся обратно на позиции. Он рассчитывал, что тогда его люди, изображая из себя беженцев, оставят оружие в подвале, разделятся на выходе к улице и незаметно растворятся в городе. Но десантники прочесыванием улиц не ограничились и из сектора не ушли.

Блокпост старшего лейтенанта Лихолетова оказался в пятидесяти метрах от лежбища бандитов. И теперь боевикам для того, чтобы уйти из «зеленки», необходимо было проскользнуть мимо него. Задача, в принципе, выполняемая, тем более что второй пост десантники выставили в центре западной окраины сектора, и их разделяли заросли кустарника вперемежку с садами и развалинами построек. Выполнимая при условии, что удастся пройти

мимо поста тихо, незаметно для часовых. А вот в том, что это получится, главарь банды сомневался. Он, как и его бандиты, уже имел горький опыт столкновений с подразделениями российского десанта. В частности, тогда, когда отряд, посланный на помощь защитникам департамента государственной безопасности, был в считанные минуты уничтожен танковыми пушками и автоматным огнем из занятого десантниками пятиэтажного дома. От того отряда и осталось всего шесть человек – вот этих самых...

Но и оставаться больше в подземелье сепаратисты не могли. Закончились продукты, а главное – вода. Без нее долго не протянешь. А поэтому хочешь не хочешь, тихо ли, с шумом ли, но надо уходить. И уходить этой же ночью, пока часовые еще не освоились, не пристреляли местность, не определили возможные направления прорыва. Сейчас федералы, рассуждал главарь, должны больше думать об обороне только что занятых позиций. Естественно, часовые будут вести наблюдение за подступами к объекту. Но именно за подступами. Завтра они уже освоятся – и кто знает, что у русских на уме; не пойдут ли они вновь прочесывать местность, просто подрывая те укрытия, которые не смогли проверить накануне. И тогда банде конец. А если не удастся незаметно проскочить мимо поста, то придется идти на прорыв. В банде имелись два гранатомета «Муха», пулемет РПК, автоматы с тройным боекомплектom, ручные гранаты, так что прорваться можно. Не всем, конечно, но можно. Главное – самому выйти из «зеленки», превратившейся в капкан. Так думал главарь банды, бывший командир отряда бывшей гвардии Дудаева, бывший офицер Советской Армии Доку Амиров по прозвищу Эмир. Осмотрев из укрытия блокпост седьмой роты, он спустился вниз, в подвал, и собрал уцелевших бандитов.

– Русские заняли сектор. Выставили блокпосты. Я смотрел, видел. Выходить отсюда опасно, оставаться – смерти подобно. Через трое суток мы сдохнем в этом подвале, – сказал главарь, по очереди вглядываясь в хмурые физиономии своих поделльников.

– Что ты предлагаешь, Эмир? Прорываться через русские блокпосты? Это же верная смерть, – проговорил помощник Эмира, Аслан Галаев.

– Нет, Аслан, – пристально посмотрел на него главарь банды, – я предлагаю обмануть русских и пройти мимо поста по-тихому.

– По-тихому? – усмехнулся Вели Бадаев. – Мимо десантников, оборонявших привокзальную площадь и разгромивших ДГБ?

– Я же сказал: пройти мимо тихо и незаметно, обманув этих проклятых шакалов.

– У тебя есть план? – задал вопрос Галаев.

– Да! Мы переоденемся в гражданскую одежду, а форму и снаряжение оставим здесь. Осторожно выйдем на поверхность. Русские устроили блокпост метрах в пятидесяти от нашего подвала. Заляжем, осмотримся. Гяуров на блокпосту мало, человек десять. Значит, они смогут выставить не больше двух сменных наблюдателей. Один из них должен будет следить за западной и южной сторонами. За сектором, по которому я планирую уходить из ловушки, будет следить второй наблюдатель. Один... Справа от нас русские установили еще один блокпост, но тот находится за дорогой и до него метров семьдесят. К тому же со стороны этого поста нас прикрывают кусты, развалины заборов и деревья.

– Чтобы нас обнаружить, – подал голос четвертый боевик, – наблюдателя с ближнего поста хватит. У него наверняка «ночник», он нас увидит.

– Ты прав, Ваха, – неожиданно согласился Амиров. – Солдат с ближнего поста нас заметит, поэтому мы должны отвлечь его.

– Как отвлечь? Каким образом? – недоуменно взглянул на него Галаев.

Главарь банды кивком головы показал на самого молодого члена группы, понуро сидевшего в самом углу топчана, прижавшись к стенке. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – молодой боевик болен. И, действительно, Расул Атаев, восемнадцатилетний юноша, примкнувший к банде в последние дни обороны дома правительства, чувствовал

себя неважно. Но не из-за того, что простудился или подхватил какую-то другую болезнь. Расул был наркоманом, и сейчас, когда кончились наркотики, его мучила ломка.

– А мы к русским Расульчика пошлем. Открыто, в форме, с оружием.

Атаев испуганно вздрогнул:

– Меня? К русским? Зачем? Я и к дому не подойду, как часовой меня расстреляет. Нет, не пойду. Лучше останусь подыхать здесь, в подвале.

– Мне не нравится твоя затея, Эмир, – пробурчал пятый боевик, Муса Кадаев. – Ты же действительно посылаешь Расула на верную гибель. Часовой разбираться не станет – увидит вооруженного человека и сразу откроет огонь на поражение. И потом, Доку, если дядя Расула, Аслан, узнает о том, что ты подставил его единственного племянника, как думаешь, долго ты проживешь? Да и мы тоже... Аслан нрава крутого, он не будет выяснять, что к чему. За племянника его головорезы нас на куски порвут.

– Верно, Аслан не простит нам гибели племянника, – спокойно согласился Доку. – Тогда, может, кто-то другой пойдет к блокпосту? Без отвлекающего маневра нам из сектора не выйти. Нет желающих? Что же, остается одно: сложить оружие и молиться, пока силы нас не покинут. А потом мучительно подыхать в этой дыре. Другого варианта просто не существует. Во фляжке осталось граммов сто воды. Разделите ее поровну. Больше воды не будет. Больше ничего не будет. Только мучительная смерть. Все, я закончил!

Главарь банды отвинтил крышку армейской фляги, сделал из нее глоток, передал помощнику. Потом завернулся в старое одеяло, лег в дальнем конце топчана и, вздохнув, отвернулся к стене.

Перспектива умереть в подвале боевиков не устраивала. Но и страх перед грозным Асланом не позволял использовать его племянника как подсадную утку. Еще неизвестно, что страшнее и мучительнее: смерть от голода и жажды в этом подвале или та же смерть, но под ножами головорезов Аслана. Бандиты в задумчивости сидели на топчане. Доку Амиров притворился спящим; на самом деле он ждал, что его подельники все же решатся на подставу Расула. Да, Аслан жесток, но где он? И жив ли вообще? А подвал здесь, вокруг, давит бетонными стенами и низким потолком, как прессом. И пустая фляга из-под воды тоже рядом...

Первым не выдержал Ваха Рубаев.

– Но надо же что-то делать? Эмир! Неужели нет других вариантов? Ты же бывший офицер, воевал. Придумай что-нибудь. Надо уходить отсюда, днем этого не сделаешь, а завтра русские могут на каждом углу, у каждого двора посты выставить.

– Если днем, – Амиров повернулся к товарищам, – русские не проведут более тщательную зачистку и не забросают все провалы, подвалы, ямы, колодцы гранатами, то завтрашней ночью они наверняка выставят дополнительные посты. После этого из сектора прорваться ни тихо, ни с шумом, с отвлекающим маневром или без него, будет невозможно.

– Но и Расула подставлять нельзя, – проговорил Кадамов.

– А разве я сказал, что хочу послать Расула к русским, чтобы он вступил в бой с часовым?

– Что же ты тогда имел в виду?

Амиров сбросил одеяло, сел, сложив под собой ноги.

– Поставьте себя на место часового. Он сидит где-нибудь у окна, смотрит на развалины. Все вокруг спокойно. И вдруг из-за деревьев выходит чеченец, подняв вверх руки с оружием и показывая всем своим видом, что не собирается стрелять, что решил сдаться. Выходит и встает в зоне видимости часового, не подходя к посту ближе тридцати метров. Как поступит часовой?

– Сдуру или от испуга может открыть огонь, – выпалил Бадаев.

– Открыть огонь, Вели, может кто-либо другой, но не десантники, что обороняли при вокзальную площадь и брали ДГБ. Этих на испуг не возьмешь. Они знают, что такое война,

и далеко не дураки, чтобы стрелять по первому шороху. Часовой прикажет бросить оружие, возможно, даже скорее всего, раздеться, чтобы проверить, не наспигован ли неизвестный взрывчаткой, уложит его на землю и... вызовет офицера. Расула не расстреляют. Его возьмут живым. А он после того, как окажется на посту, объявит русским, что его насильно заставили взять в руки оружие, но он никого не убивал. Ведь Расул, по сути, еще мальчишка. Поэтому, как только выпала возможность, он решил сдаться. Зачем ему погибать в восемнадцать лет? В худшем случае его отправят в какой-нибудь лагерь для пленных, а потом отпустят. Доказать, воевал он или нет, невозможно. Да, русский офицер допросит его, и первое, что спросит, откуда взялся Расул? И Атаев ответит, что бежал из схрона, где остались еще пятеро боевиков. Ушел к блокпосту, заступив в наряд. Русские прикажут показать, где схрон, Расул укажет на этот подвал. Русские придут сюда и убедятся, что пленник не врал. Мы оставим следы своего пребывания здесь, чтобы все было очевидно... Короче, пока часовой будет разбираться с Расулом, пока его проведут на блокпост, пока допросит офицер, пока русские выйдут к схрону, пройдет не менее часа. А нам, чтобы миновать пост, хватит и пятнадцати минут. Еще полчаса – чтобы добраться до подвалов ближайших пятиэтажек, не занятых русскими. Как я уже говорил, мы переоденемся здесь, а миновав пост, сбросим и все оружие. Из пятиэтажки разойдемся. Каждый решит, что ему делать дальше: попытаться пройти на восток к своим, вернуться в семьи или пойти на поклон к русским. Я никого ни держать, ни принуждать не буду. Сам же пойду на восток.

– Я с тобой! – воскликнул Галаев.

Амиров усмехнулся:

– Нет, Аслан, со мной ты не пойдешь. Мы разойдемся. Но это не мешает тебе попытаться прорваться на восток. Там, при благополучном исходе, и встретимся.

– Но это совсем другое дело, – сказал повеселевший Кадамов. – Почему сразу не объяснил, что конкретно задумал?

– Потому что, Муса, никто не хотел меня слушать. Потому что вы испугались мести дядюшки Расула, кровавого Аслана.

Из угла подал голос Атаев:

– Я согласен сдаться русским, но... У меня сейчас ломка. Еще немного, и я не только выйду к посту, а подняться с топчана не смогу.

– Вот что значит наркота, Расул! Говорил тебе, не надо начинать – нет, ты не послушал. Как же, кайф! Что ты мне говорил после первых уколов? Что испытываешь такое наслаждение, по сравнению с которым оргазм ерунда, так?

– Но так и было! Так и есть, когда ширнешься... Но сейчас у меня кончился героин. Я не смогу выйти к русским.

– Что ж, – вздохнул Амиров, – видит Аллах, не хотел я этого, но придется помочь.

Он достал из кармана куртки готовый к употреблению инсулиновый шприц.

– На, Расул, держи! Клянусь, я не дал бы тебе дозы, но сейчас этого требует обстановка. От тебя зависит, спасутся ли твои товарищи.

Амиров лгал. Ему было глубоко плевать на то, употребляет ли Расул наркотики или нет, но он, матерый волк, предчувствовал, что когда-то наркозависимость молодого оболтуса, решившего поиграть в войну, сделает свое дело. Поэтому и держал при себе шприц с дозой героина. Предчувствие не обмануло старого бандита. Героин пришелся как нельзя кстати и в самый ответственный момент.

Атаев дрожащей рукой принял шприц, достал из-под матраса жгут, отвернулся от собратьев, задрал рукав камуфляжа и ввел дозу. Отстегнув жгут и бросив на пол использованный шприц, завалился на спину со стоном блаженства. Затем поднялся, опустил рукав, взглянул на Амирова. Глаза парня блеснули неестественным блеском.

– Прости меня, Доку, – он обвел безумным взглядом подельников, – простите меня, братья. За ту слабость, что я проявил. Я должен поступить, как воин, и я сделаю это. Даже если от меня потребуются одному атаковать блокпост грязных неверных.

– Успокойся, Расул, никого атаковать не надо. Надо сделать так, как я сказал. Ты помнишь, о чем тебе было говорено?

– Да, Эмир, помню! Мне надо выйти к русскому блокпосту и сдаться в плен, максимально затянув время, чтобы вы смогли спокойно уйти отсюда.

– Ты верно понял свою задачу, Расул. И все же я еще раз проинструктирую тебя. А вы, – главарь обратился к подельникам, – переодевайтесь. «Мухи» берут с собой Рубаев и Кадамов, пулемет РПК – Бадаев; у всех должны быть при себе гранаты Ф-1 и РГД-5. И автоматы. Первым на поверхность выходит Аслан, осматривается, выбирает маршрут подхода к посту с севера. Следом поднимается вся группа. Выходим к полуразрушенному сараю, что в десяти метрах от нас, уточняем маршрут дальнейшего передвижения. Оттуда к посту пойдет Расул. Как только он вступит в контакт с русским часовым, начинаем тихо, аккуратно и скрытно продвигаться на запад. Если вдруг группу с поста обнаружит противник, осуществляем прорыв. При этом Рубаев и Кадамов обстреливают блокпост из гранатометов, Бадаев открывает огонь из пулемета. В том случае, если ты, Расул, – Амиров повернулся к молодому чеченцу, – еще не попадешь в руки десантников, то прыгаешь в сторону и выходишь к группе. Я лично буду тебя прикрывать. Остальные подождут нас. Если же ты окажешься у русских, то говоришь, что решил сдаться во время прорыва. Другой подходящей возможности ты не нашел. Это будет выглядеть более правдоподобно, нежели побег из схрона. Все понятно?

Амиров быстро переоделся в джинсовый костюм почти его размера, перецепил на пояс подсумки с магазинами автомата и гранатами, кобуру пистолета. Оглядел еще раз подельников, особенно внимательно посмотрел на Атаева. Тот, находясь под дозой, держался бодрячком. Эмир взглянул на часы. 22.15. На блокпосту уже должна была произойти смена часовых. Наконец отдал команду:

– Вперед, братья! Да поможет нам Всевышний!

В 22.00 на посты наблюдения заступили сержант Беденко и рядовой Белый. Отстоявшие свою смену рядовые Шохин и Артюшин отправились в комнату отдыхать. Резервную смену десантники не выставляли, в этом не было никакой необходимости. В случае нападения противника на блокпост, персонально закрепленные за каждой позицией одновременно занимали все десять бойцов его взвода.

Белый остался на первом этаже, имея зону ответственности в юго-западном направлении, Беденко поднялся на второй этаж. Он должен был контролировать зону в северо-восточном направлении. Сержант устроился на табурете, найденном в доме, положил автомат на нижнюю часть оконного проема между двух вещевых мешков, набитых песком и гравием, и через ночной прицел начал внимательно осматривать местность. Посмотрел влево – никого. Перед собой – чисто. Несильный ветер шелестел ветвями деревьев и кустов. Вот справа налево пробежала тощая собака. Мечется в поисках пищи, одичала... Да что собака – люди за какой-то месяц одичали. Тоже, как могут, ищут пропитание. Хорошо хоть в последнее время власти наконец-то организовали практически регулярную доставку в освобожденную от боевиков часть города гуманитарных грузов, продуктов, одежды, теплых одеял. Кое-где местные начали ремонтировать жилища. Вот и тут, пройдет время, развернется строительство. Вернутся хозяева участков, начнут возводить новые дома. Но это будет позже, а сейчас здесь не жилой сектор, а «зеленка», которая в любой момент может преподнести сюрприз.

Осмотрев местность и не заметив ничего подозрительного, Беденко отложил автомат. Посмотрел на часы. 22.10. Осторожно прикурил сигарету, что было категорически запрещено, хотя этот запрет Беденко соблюдать не собирался. Он держал сигарету в кулаке, выдыхая дым в окно. Слабый ветерок относил его вправо, на юг. Выкурив сигарету и положив

затушенный окурок, сержант вновь припал к прицелу и тут же увидел вышедшего из-за яблони мужчину в камуфлированной форме с поднятыми руками. В правой руке тот держал автомат с отстегнутым магазином, левая ладонь была раскрыта. Мужчина – а им оказался молодой парнишка, что хорошо было видно через прицел, – показывал, что имеет намерение сдаться. Значит, в сектор обстрела Беденко вышел боевик. Вопрос: откуда он взялся? Бандит встал прямо напротив окна сержанта, не приближаясь к дому. Беденко чуть было машинально не срезал незнакомца очередью. Палец уже лег на спусковой крючок, но сержант успел сдержать невольный порыв. Он крикнул вниз, на первый этаж:

– Внимание, в моем секторе «дух»! Сдается. Держу его на прицеле! – И повернулся к окну: – Стоять, где стоишь! Ты кто?

– Я рядовой солдат повстанческой армии, – ответил парень. – Бежал от дудаевцев. Хочу сдаться. Мне восемнадцать лет, и я не желаю воевать.

К Беденко поднялись Лихолетов с Шохиним.

– Ну, что тут у тебя? – спросил у сержанта командир взвода.

– «Дух», товарищ старший лейтенант. Хочет сдаться.

– Сдаться – это хорошо... Вот только откуда он здесь взялся, такой красивый? Если сидел в подвале, что мы обошли, почему не вышел во время зачистки?

Лихолетов через прицел внимательно посмотрел на чеченца:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.